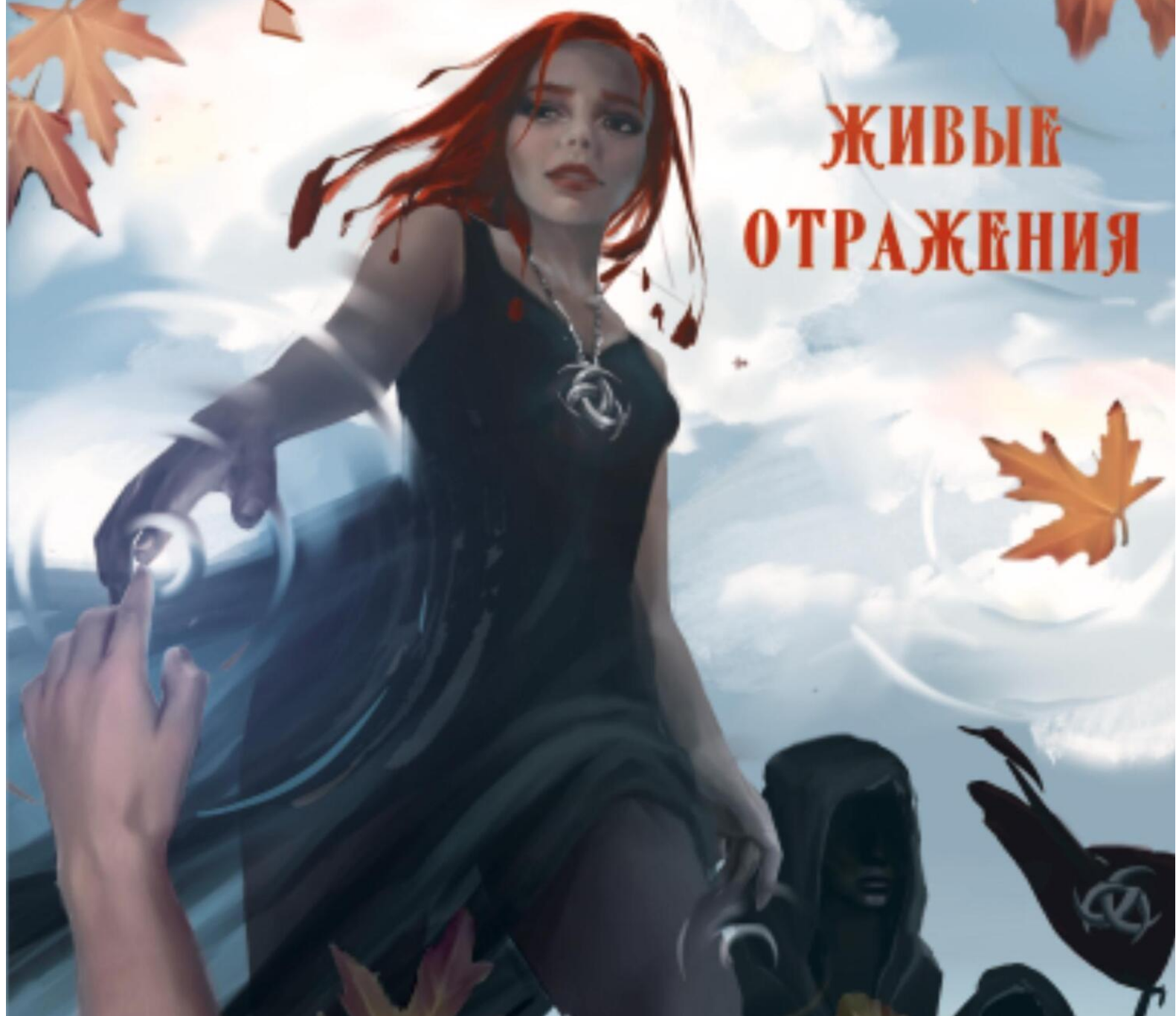

ЛитРес:

ГЛЕБ КАЩЕЕВ

КРАСНАЯ КОРОЛЕВА

ЖИВЫЕ
ОТРАЖЕНИЯ

Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»

Глеб Кащеев

**Живые отражения:
Красная королева**

«Автор»

2019

Кащеев Г. Л.

Живые отражения: Красная королева / Г. Л. Кащеев — «Автор»,
2019 — (Длинный список 2020 года Премии «Электронная буква»)

ISBN 978-5-535-00191-3

Только у Александры все начало складываться удачно: перебралась после школы в столицу, получила хорошую работу в Москва-Сити, нашла красивого молодого человека и даже наслаждалась завистью оставшихся в далеком Тобольске подруг, как вдруг нелепая случайность открывает перед ней возможность путешествовать в альтернативные вселенные. Погнавшись за адреналином приключений она постепенно теряет все, включая возможность вернуться домой. Кем же теперь станет та, что вынуждена скитаться по чужим мирам?

ISBN 978-5-535-00191-3

© Кащеев Г. Л., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Часть первая. Падение в кроличью нору	5
Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Глеб Кащеев

Живые отражения: Красная королева

*Не ты выбираешь путь.
И не путь выбирает тебя.
Выбора вообще нет.
Если слушать сердце, то ты поймешь, что существует
единственная бесконечная дорога, на которой ты не предаешь себя.
(Из сборника цитат Красной Королевы)*

Часть первая. Падение в кроличью нору

Пролог

Никогда не верила в судьбу! Считала чушью все эти гороскопы и вообще любые предопределенности, а фаталистов так просто презирала. Моей религией была свобода выбора. Все изменилось за пару недель.

Я обнаружила, что моя судьба все-таки существовала, только тогда, когда случайно разбила ее вдребезги. И все сразу пошло наперекосяк.

Стоило сделать первый неверный шаг: погнаться за тем воришкой, выхватившим из моей руки пакет с продуктами, как фальшивое счастье, которое я тщательно выстраивала, издало жалобный хруст и рассыпалось как стеклянный картонный домик. Сначала я даже не ощутила, что произошло нечто непоправимое. Подумаешь, пара мелких проблем! Но что бы я дальше ни делала, все становилось только хуже и хуже. Я хваталась за падающие осколки моего мира, резалась в кровь, а они рассыпались у меня в руках. С отчаянием наблюдала, как моя старая жизнь утекает песком сквозь пальцы, и ничего не могла поделать, как ни старалась.

Провидение меня даже предупреждало или давало выбор. Этот день не задался с самого утра, когда я открыла глаза и недоуменно уставилась на подозрительно яркое и высокое солнце за окном. Минуты две пыталась понять, что же за смутная тревога бьется в душе, пока не взяла телефон в руку. Он не среагировал на включение, хотя шнур зарядки торчал из его задницы, как мышинный хвостик. Потянула за него, и противоположный конец легко выскочил из-за подушки мне в ладонку. Будильник в смартфоне не сработал, потому что ночью зарядник вывалился из розетки или я вообще забыла его воткнуть.

Мне бы понять намеки вселенной и остаться в этот день дома под одеялом. Соврала бы Николаю Петровичу, что приболела. Один день за год работы он бы мне простил. Но я же была упрямой и целеустремленной, а чувство долга и совесть подстегнули меня так, что я воскликнула: «Ах ты ж...» – вскочила с кровати и заметалась по квартире, пытаюсь понять, как еще можно выяснить время. Других часов у меня не водилось. Я до сих пор жила среди голых окрашенных стен: все недосуг было заниматься украшательством. Матрас лежал прямо на полу. Кроме него в единственной комнате имелся только встроенный шкаф для вещей, да нелепый горшок с вялыми хризантемами на окошке – недавний подарок Валеры. Телевизор я тоже так и не купила. Сначала было дорого, а потом, когда деньги появились, стало понятно, что мне некогда его смотреть. Я прихожу в эту съемную квартиру только поспать.

Спешно натягивая брюки, я на одной ноге прискакала на кухню. Там на микроволновке все время раздражающе мигали цифры часов и минут. Сейчас она показывала 23:15. Уже не сдерживаясь, от души выматерилась. То ли электричество скакало, то ли я так и не удосужилась

настроить ее когда-то, но попытка узнать, насколько я опаздываю, постепенно превращалась в какой-то квест.

Бросила туфли в пакет и надела кроссовки – до работы придется нестись бегом. Спешно собрала волосы в хвост первой попавшейся резинкой и, наплевав на макияж, вылетела из дома.

Мой босс терпеть не может, когда я опаздываю. Ведь я – вся его жизнь.

Полтора года назад я провалила поступление в универ, и решила остаться в столице, чтобы подготовиться и пересдать чертов ЕГЭ по русскому еще раз. Репетиторы в Москве были всяко лучше, чем в родном Сумкино или даже в самом Тобольске. Главное, что английский и французский вытянула на 85, спасибо старенькой Марии Сергеевне, которую еще чуть ли не декабристы обучали, а родной язык завалила напрочь. На что только надеялась, когда, разочаровавшись с матерью, поперлась подавать документы в столичные университеты?

Как только я поняла, что с такими баллами мне придется съезжать из общаги, лишь только объявят списки поступивших, то сразу начала искать работу. Мне дважды повезло. Сначала меня без опыта работы взяли хостес в ирландский паб. Как сказал хозяин, с такой рыжей гривой я просто вылитая ирландка и никого лучше он не найдет. Там я продержалась около месяца, ловко уворачиваясь от нахальных рук вечно подвыпивших клиентов, попутно расшвыривая резюме по всему интернету, пока меня неожиданно не пригласили в одну из башен в Москва-Сити на собеседование.

До сих пор так и не поняла, почему меня взяли. Может из-за напора и самоуверенности, а может, наоборот, благодаря синдрому отличницы и несоразмерному перфекционизму. Так или иначе, но уже в августе я переделалась в строгий брючный костюм с белой блузкой и превратилась в личного помощника финансового директора крупной промышленной компании.

О том, что я, вроде как, планировала заново куда-то поступать, для чего нужно было начинать суетиться еще в феврале, вспомнилось только в мае. Сожаления не было. Мне уже просто было некогда думать о таких мелочах.

Вся моя жизнь ежедневно была расписана по минутам начиная с восьми утра и до позднего вечера, и каждая из них принадлежит боссу. За это мне платят такие деньги, которые большинство офисных клерков только в розовых снах видят. Для начальника я и левая рука, и правая, и даже часть его мозга – та, что помнит все его планы на недели вперед. Сегодня впервые он пришел на работу, а меня нет. Опаздываю и даже не знаю на сколько именно. Пришлось пристать к какому-то симпатичному молодому человеку на бегу с вопросом: «Который час». Он достал смартфон и сообщил мне приговор: «Десять тридцать», – а потом сопроводил недоуменным взглядом. Я рванула так, что только ветер в ушах свистел. Хорошо еще, что квартира в пятнадцати минутах пешком от офиса. Это значит всего пять минут бегом.

Когда я добралась до рабочего места и украдкой заглянула в кабинет начальника, то поняла, что зря так мчалась. Босс куда-то уехал. Самое страшное, что я вообще не представляю куда, так как в его расписании, которое я помню наизусть, в это время как раз странное пустое окно. Плюхнулась в свое кресло, поставила смартфон на зарядку и вдавила кнопку включения. Руки дрожали.

Так и есть. Три пропущенных от того, кто в моих контактах располагался на самом верху под кодовым обозначением «№ 1». Сердце несколько раз судорожно дернулось, а потом вообще замерло.

Поколебавшись пару секунд, я перезвонила. Николай Петрович скинул звонок.

«Это залет, Александра», – тихо сказала я вслух, бессильно откинувшись в кресле. Пульс не успел прийти в норму после пробежки и теперь кровь билась в висках от волнения с темпом и громкостью ударника Рамштайна. Голова вообще не соображала. Наверное, это и называют панической атакой.

Во-первых, меня грызла совесть. Терпеть не могу опаздывать и вообще подводить людей, особенно тех, кто от меня зависит. Одноклассники когда-то дразнили ботаничкой, потому

что я всегда делала абсолютно все домашние задания. Мне нравилось быть правильной. Даже направляясь в гости или на вечеринку, куда, в общем-то, не принято заявляться вовремя, я всегда приходила точно к назначенному времени, не задерживаясь ни на минуту. Если что-то обещала, то в лепешку расшибусь, но сделаю. Даже если на самого человека мне наплевать. Я буду омерзительная сама себе, если подведу.

Ну а потом... вот уволит он меня сегодня, что я делать буду? Такую же работу мало того что не найдешь, так, даже если повезет, не возьмут же без рекомендации от предыдущего начальника. Накопленных денег дай бог на пару месяцев оплаты квартиры хватит, да и то если питаться дошираком. Только-только гардероб обновила, так что на карте осталось совсем немного. Садиться на шею к недавно организовавшемуся молодому человеку? Так себе перспектива.

Взгляд упал на раскрытый на столе большой ежедневник со списком дел. Да, у меня все продублировано и в телефоне, и в компе, но бумага все равно была удобнее. Куда же он мог уехать-то? И, главное, надолго ли? Невольно я зацепилась за заметку на полях, которую поставила себе же два дня назад: нужно было забрать его костюм из химчистки.

Спешно набрала Аню с ресепшен на первом этаже. Она среди этих кукол с наращенными ресницами была самой вменяемой и наименее вредной. Серпентарий на первом этаже меня сразу воспринял в штыки – наверняка каждая из них мечтала оказаться на моем месте – поэтому все мои просьбы игнорировал принципиально. Пришлось выпепить наименее стервозную полноватую блондинку в курилку и попытаться разговорить. Пришлось сделать вид, что курю и стараться не закашляться.

Анне стоило только чуть намекнуть, как я ей сочувствую, что ей, такой умнице, придется круглый день торчать в таком ужасном коллективе, так ее и прорвало. В итоге я для нее стала единственной отдушиной, которой можно вывалить все внутренние сплетни, а она для меня – источником необходимых сведений.

– Алло. Это Саша. Умоляю, не задавай никаких вопросов. Дело жизни и смерти! Ответь просто: Поляков сегодня на работу приходил? Да, я должна быть в курсе, но и на старуху бывает... короче, не тяни. Проходил мимо вас утром или нет? Если не сложно, спроси у остальных тоже. Скажи, что сам ПэПэ интересуется. Мне очень важно. Не появлялся?! Спасибо! С меня «Рафаэлло».

Я знала, что это ее любимые конфеты и, несмотря на жесткую диету, она съест всю пачку тайком максимум за час. Это моя обязанность: все про всех знать. В моей голове целое досье на каждого, от кого зависит моя работа. Слабости, интересы, проблемы. Иначе бы я тут не выжила. Каждый строит из себя звезду немыслимой величины, и если приходиться с просьбами просто так, то результат будет нулевой.

Любая другая секретарша мои конфетки бы сразу кинула в мусорную корзину, Кое-кто мог сделать это и на моих глазах. В любом случае я получила бы очередную порцию ненависти. По мнению сидящих на жесточайших диетах девиц, вечно смотрящих на любой кусочек еды хищными голодными глазами и стервневших от этого еще больше, я их непрерывно троллю. Мало того что «жрет как не в себя», – так еще и – «худая словно спичка». И вообще: «отрастила себе ходули». У меня действительно основная еда случается в офисной столовке. Дома нет времени готовить, поэтому за обедом я съедаю суп, салат, второе, компот и десерт. Иногда даже два. Метаболизмом меня боженька действительно не обидел, так что на фигуре это никак не сказывается.

Раз босс куда-то умотал прямо из дома, то у меня в голове родился авантюрный план. Почему я не могла заехать за его костюмом с утра перед работой? Я не проспала. Я делом занималась. Была только одна проблема – тройка до сих пор висела где-то в химчистке. Нужно было сбегать за ней, пока он не вернулся.

Опять передела обувь, оставив туфли под столом, схватила телефон – на нем было уже процентов двадцать заряда – и помчалась к лифту. Пока спускалась вместе с какими-то симпатичными парнями с маркетингового этажа, мой желудок начал предательски неприлично урчать, напоминая, что его обделили завтраком. Да и ужином, если припомнить, тоже. Вчера так устала, что брякнулась в кровать, пообещав себе съесть сковородку омлета с беконом утром. Пришлось по пути в химчистку заскочить в магазин и прикупить себе немного закусок.

Когда я вышла из дверей супермаркета, все и случилось.

Мимо меня прошел какой-то странный светловолосый и довольно чумазый парнишка, смахивающий на бомжа, пристально ощупывая взглядом... нет, не ноги и даже не фигуру, а сумку и смартфон в руках. Одет он был чудаковато, словно сбежал со съемок исторического фильма: широкие грязные штаны из светлой и грубой ткани и подпоясанная кожаными шнурком мешковатая полотняная то ли куртка, то ли толстая рубаха.

Обычно я не особо замечаю прохожих, но этот мальчишка лет пятнадцати застрял в голове и никак не хотел забываться. Хоть и прошла уже, наверное, метров сто, но все-таки решила обернуться. Из-за этого все и произошло. Так бы он вырвал у меня пакет из рук, и я, потеряв от неожиданности равновесие, скорее всего упала бы, и уж точно не успела сориентироваться и погнаться за ним. Но я обернулась. Он был совсем близко: уже приседал и протягивал руку к сумке. Покупки я, конечно, удержать не смогла – больно сильно этот ворюга дернул – но адреналин уже впрыснулся в кровь, а захлестнувшее меня возмущение таким наглым грабежом среди бела дня придало сил и скорости. Я с места рванула в погоню.

У него не было никаких шансов. Мало того, что на коротких дистанциях я уделявала всю школу – ноги-то длиннющие, да и бегать люблю – так у него еще на ногах были какие-то нелепые разваливающиеся мокасины. Куда им против специальных беговых кроссовок по триста баксов за пару?

Парень оглянулся, понял, что дистанция между нами сокращается, а останавливаться я не намерена, и резко свернул в парк. Дорожки там уже развезло сентябрьской грязью и кроссовки было немного жаль, но уж слишком я разозлилась. Хотя до сих пор не представляла себе, что я сделаю с этим пацаном, когда наконец догоню.

Внезапно юноша резко присел у какой-то лужи. Я с трудом успела затормозить, чуть было не полетев через него кувыркком, и схватила его за шиворот.

– Попался...

Договорить я не успела. Мою руку дернуло так сильно, словно я держала тронувшийся локомотив. Не устояв на ногах, я начала падать в лужу.

От неожиданности и страха время замедлилось. Мутноватое отражение осеннего неба и желтых листьев на ветках стремительно приближалось, и вдруг, за мгновение до того, как рассыпаться грязными брызгами при соприкосновении с моим лицом, обрело поразительную четкость и стало реальным. Меня покачнуло, но я каким-то непостижимым образом устояла на ногах. Перед глазами было все то же небо и листья, но, как только я опустила взгляд, то поняла, что я больше не в парке.

Вместо башен Москва-сити за деревьями маячили какие-то низенькие двухэтажные домишки. Пейзаж чем-то напоминал английский пригород викторианской эпохи. Даже экипаж, подозрительно похожий на кэб, медленно колесил вдали по грунтовой дороге.

– Are you really idiot?! – заорал на меня парень, выпучив от страха глаза. Он тут же подскочил ко мне, схватил за руку и зачем-то вновь присел у моих ног. Я все ошарашенно озираясь, как вдруг меня опять резко дернуло вниз. Все повторилось: приближающееся отражение неба и листьев и вдруг я опять стою на ногах на фоне привычных небоскребов. Тут воришка для гарантии, чтобы я опять к нему не прицепилась, толкнул меня со всей силы так, что я плюхнулась задницей прямо в раскисшую грязь. Парень же с моим пакетом в руках опять опу-

стился на корточки у края лужи, поднес ухо к поверхности воды и тут же пропал. Исчез, словно его и не было.

Я сидела в грязи и пыталась собрать осколки мыслей в какую-то более-менее понятную картину. В этот момент зазвонил телефон. Рассеянно подумала, что странно: парень спер у меня только круассаны с колбаской, а не дорожный смартфон, и поднесла трубку к уху.

Естественно, это был босс. Он даже не поздоровался и начал с: «И где тебя черти носят!» Вот тут я не выдержала и как дура разревелась.

Как ни странно, это сработало. Николай Петрович сразу изменил тон и начал расспрашивать, что случилось. В его голосе даже сочувствие проявилось. Непрерывно всхлипывая, я несвязно бормотала, что шла за его костюмом, но тут на меня напали и обокрали. Дальше спасительная лож потекла сама собой. Я сказала, что смартфон украли, и что вот только недавно я восстановила симку и спешно купила новый, чтобы предупредить его, но я все еще вся в грязи, избитая и вообще...

Мой босс все-таки хороший человек. Во-первых, он поверил в этот поток слезодавильного бреда, а во-вторых, смягчился и приказал идти домой и приводить себя в порядок: «К обеду только постарайся прийти. Нам планы на завтра надо обсудить».

Повесив трубку, я улыбнулась. Жизнь налаживалась. Конечно, придется потратиться на химчистку своей одежды, но, в целом, все сложилось даже очень хорошо. Возможно, этот маленький негодяй только что меня спас – я бы никогда не додумалась и не смогла бы так натурально изобразить истерику. Понять бы еще, что со мной произошло минуту назад и где я только что побывала.

Тогда я еще не понимала, что моя жизнь уже несется под откос.

Идиотка.

Глава 1

Несмотря на то, что я получила индульгенцию на прогул до обеда, специально задерживаться мне не позволила совесть. С другой стороны, право на рестарт утра стоило полностью использовать. Я неспешно приняла душ, подобрала новый костюм – на сей раз не темно-болотного цвета, замечательно игравшего на контрасте с темно-рыжими волосами, а нейтрально-серого. Со смаком позавтракала и навела красоту из косметички.

Критически оглядев себя в зеркало, улыбнулась: вот теперь все в порядке. Красотка готова к бою. Не удержалась и сделала серию фоток. Покопалась в фильтрах, отредактировала самую лучшую и закинула в инсту. К вечеру опять будет куча лайков от неизвестных воздыхателей.

Начала засовывать испачканную одежду в целлофановый пакет и замерла, невольно вспомнив о произошедшем. Что же, черт возьми, это было? Как я нырнула в лужу и осталась сухой? Что это был за мираж с какими-то пейзажами прошлого века? Помрачение рассудка? Все произошло так быстро, что я ничего не успела осознать. В памяти четко зафиксировалось приближающееся отражение на воде и то, как оно вдруг обволакивает меня и превращается в реальность.

Я помотала головой, отгоняя наваждение. Так можно и с ума сойти.

Будем считать, что мне все это показалось. Все равно логично объяснить себе этот опыт невозможно. Обратится к врачу? Так с точки зрения медицины у меня однозначно кукуха поехала. Так что проще всего – постараться забыть. Если что-то невозможно ни понять, ни использовать, то и думать о нем бессмысленно.

Телефон тихо блюмкнул. Босс шлет сообщения только в телеграм, а на него у меня был настроен другой звук, так что от кого бы ни было сообщение, его можно было и проигнорировать, но я все же достала смартфон из кармана и посмотрела. Валера приглашал вечером посидеть в кафе.

Тяжко вздохнула. С ним всегда так. С одной стороны, когда он неожиданно возник на горизонте, было приятно. Помимо глупых влюбленных одноклассников, оставшихся где-то в иной жизни, у меня не было никого даже близко подходящего на роль молодого человека. Валерий подсел ко мне в кофейне и был очень остроумен и мил. Его светлые волосы всегда находились в тщательно уложенном беспорядке, он носил модное пальто и всегда непременно с поднятым воротником, как Камбербетч в роли Шерлока, и вообще чем-то походил на популярного артиста Петрова. Когда я поставила селфи с ним на страничку ВКонтакте, то бывшие одноклассницы испытали массовый приступ черной зависти. Еще он говорил такие комплименты, которые я и в книгах-то не встречала. Даже стихи читал по памяти: и не избитого Пушкина, а Бродского и Ахматову. Парням из Сумкино до такого стиля было так же далеко, как до Альдебарана пешком. Недостижимая высота.

По словам Валеры, он ко мне подсел тогда, потому что я: «просто вылитая Шерил Блоссом». Судя по его тону, это должно было мне льстить, но я вообще не представляла себе с какой такой бабой он меня только что сравнил. Пришлось многозначительно неопределенно улыбнуться, а потом срочно гуглить кто это. Оказалось, речь шла о героине какого-то молодежного сериала, на которые у меня никогда не хватало времени. Сравнить ее со мной мог только тот, кто вообще не разбирается в женщинах, и судит о них исключительно по внешности. Эта Шерил была бледна словно аскарида, носила пошлейшую алую помаду и ярко-красную одежду, в которую я бы не вырядилась ни за что в жизни. Я и без того слишком выделялась. В школе все неприятности и издевательства сыпались исключительно мне на голову, просто потому что эта самая возвышающаяся над всеми рыжая копна волос притягивала взгляды и хулиганов, и завистниц как кусок сладкого пирога мух. Выделяться еще больше, надевая алое

платье, мне даже в голову бы не взбрело. Я всегда ограничивалась серо-болотной гаммой: и к волосам идет и не так бросается в глаза.

В общем, мы стали встречаться. Уже две недели как. С учетом моего непредсказуемого графика это означало, что около десятка свиданий в театрах, кино и кофейнях с последующими длинными прогулками по ночной Москве. От Валеры я узнала о городе больше, чем за все предыдущие полтора года жизни в столице. На первой же встрече он и подарил этот злосчастный горшок, что теперь тихо погибал дома на окошке. С его точки зрения, такой букет был практичнее: «Обычные цветы тут же завянут, а эти будут все время напоминать обо мне». Вялые стебельки осыпались уже на третий день. Я так боялась забыть полить их, что залила напроочь. Комнатные растения – это явно не мое.

С одной стороны, мне нравилось, что я могу написать на страничке «в отношениях» и писать о своем «молодом человеке». Без этого я ощущала себя какой-то инвалидкой. Все непрерывно ходили на свидания, одна я, как папа Карло, пахала с утра до вечера, как будто мне не девятнадцать, а все сорок. Тем более что мой кавалер был моден, красив, молод и ухожен. С ним было не стыдно появиться ни в ресторане, ни на фотографиях в инсте.

С другой стороны, Валера начинал меня раздражать. Мне совсем не нравилось, как он ел. Вроде не чавкал и вел себя подчеркнуто интеллигентно, но когда он засовывал в рот очередной кусочек какого-нибудь торта или листик салата, у него становилось такое лицо, словно он делает это через силу, и его вот-вот вырвет от этой гадости. Нет, ему нравилось. Просто он всегда так ел, а у меня аппетит тут же отбивался напроочь. Я с ужасом представляла себе, что когда-нибудь буду наблюдать такую картину каждое утро.

Кроме того, Валерий был до омерзения практичен. Цветы он подарил один раз, потому что: «Вроде как положено», – произнес он тогда, протягивая горшок и делая вид, что слегка смущен. Он выбирал только «не мейнстримовые» спектакли и фильмы. С одной стороны, может, это и свидетельствовало о тонком вкусе, но я также замечала, что билеты никогда не стоили дороже пары сотен. Да и кафе, в которых мы сидели, всегда отмечались в каталогах одним значком рубля. Нет, я не гналась за пафосом, тем более что мне приходилось пару раз сопровождать босса на переговоры в такие места, где на меню было страшно смотреть. Просто у меня создавалось впечатление, что пока я для Валеры некоторый непроверенный вариант, он старается сделать так, чтобы общение со мной требовало как можно меньше затрат. А то мало ли что. «П» – практичность.

Вот и сейчас. Он опять позвал меня в кафе. Отказать вроде как повода нет. И так все время упрекаю себя, что я какая-то холодная селедка. Ничего не ощущала ни по отношению к куче воздыхателей в школе, ни теперь к Валерию. Да, приятно получать знаки внимания и видеть восхищение в глазах, но не более того. Поэтому и соглашаться на свидание тоже не очень хотелось. Лучше уж просто погулять вдвоем, пока тепло. Это и романтичнее, и приятнее, чем опять смотреть, как он жует. Ответила ему: «Ты меня так совсем раскормишь. Есть сладкое на ночь вредно. Давай лучше погуляем». Сообщение доставлено, но не прочтено. Подождала пару минут, а потом сунула смартфон в сумочку и пошла в химчистку: сдавать свои грязные комочки и забирать костюм начальника, а заодно купить коробочку Рафаэлло для моей спасительницы с ресепшен.

Самое интересное место в нашем здании – это, безусловно, лифт. Он заменяет и бульвар для променада на лазурном берегу и помпезный выход в миланскую оперу и даже английский клуб джентльменов. Никогда не знаешь кого и в каком виде там встретишь и какие разговоры невольно подслушаешь. Особенно если постоянно едешь с небес до самого ада. Для меня это место – просто кладезь бесценной информации. Такое количество офисных слухов и сплетен, как здесь, можно получить разве только в бухгалтерии, если зайти к ним с тортиком и попасть на хорошее настроение. Клянусь, скоро заведу отдельный блог «хроники лифта Москва-Сити». Например, вчера какие-то холеные хлыщи из отдела продаж в кабине рассуж-

дали, что бы было, если бы люди были однополыми. Не выдержала и поведала им о гермафродитизме улиток. Кажется, дала пищу для дальнейших размышлений об устройстве мира на сутки вперед. Сегодня неизвестные бородатые сисадмины занесли в лифт не только волну запахов немытого тела, прикрытую завесой жестокого аромата какого-то отчаянно цитрусового дезодоранта, но и остатки бурного разговора о крестоносцах, а конкретнее – об интенсивности и неприятности запаха после долгого похода по пустыне. С трудом заставила себя промолчать.

Как только вернулась на рабочее место, то тут же выбросила из головы все то, что съело мое утро. Мне срочно понадобилось перебронировать билеты и гостиницу для Николая Петровича в связи с переносом совета акционеров в Лондоне, и это стоило мне кучу нервов: пришлось даже состроить из себя стерву со стальным голосом и наорать на идиота-менеджера отеля на той стороне провода. Помогло.

Затем неожиданно выяснилось, что сегодня стартовали продажи билетов на каких-то ветеранов западного рока, от которых мой босс балдеет уже лет двадцать и мне непременно нужно было успеть выкупить для него с другом места в фан-зоне, а они разлетались как халявные сувениры на выставочном стенде.

В общем, очнулась я от работы только часов в десять, когда Николай Петрович, согласовав со мной график на завтра, уехал домой на личном водителе, а я откинулась почти в горизонталь на мягком кресле, скинула туфли и еще минут двадцать тупо разглядывала потолок, приходя в себя.

Свет выключила, оставила только маленькую настольную лампу. Мне нравился полумрак. Несколько коротких минут, чтобы побыть собой. В квартире так не получится – все время достают мелкие бытовые проблемы. Да и не ощущала я себя там дома. И в Сумкино не чувствовала, особенно после появления отчима. Расслабиться можно только здесь, в офисе, когда все уже давно свалили домой. Потом я добреду до двери в квартиру, плюхнусь на матрас, чтобы завтра опять вскочить и вертеться как несчастный хомячок в своем колесе, который все пытается куда-то убежать, да только никуда ему не деться из клетки, сколь не перебирай лапками.

Телефон настойчиво булькнул второй раз подряд. Я вздохнула. Минуты спокойствия закончились. Лениво поднесла экран к глазам. Валерий интересовался, когда же я наконец подойду в кафешку в паре кварталов от моего офиса. Дескать, оттуда шикарный вид на Москва-Сити.

Мое место работы его просто завораживало. Скорее всего он втайне мечтал ходить сюда каждое утро от метро в плотной толпе таких же бедолаг. Или стоять полчаса в вечной пробке на въезд. Дурачок. Понимал ли он, как я устаю от этого вида светящихся точек на стеклобетонных стенах офисного муравейника?

За окном темно как ночью. Сегодня кончится сентябрь. Скоро уже середина осени, а тепло до сих пор, как летом. Днем по улице можно ходить без пальто, но вот темнело уже совсем рано. Подошла к стеклу, ступая босиком по мягкому ковру.

С такой высоты город был как на ладони, блестел золотом, бриллиантами и рубинами. Красные светящиеся реки задних фар и стоп-сигналов загрохотали улицы. Поверх этого богатства парило мое еле заметное отражение: контур из рыжих волос, подсвеченных сзади настольной лампой, бледное при таком освещении лицо и два черных провала вместо глаз. Единственное, что мне досталось от отца – угольно-темные глаза, по которым не поймешь, где кончается зрачок и начинается радужка, да чуть смугловатая от природы кожа. Мать, когда вспоминала его недобрыми словами, обзывала цыганом, но я видела его фотки в молодости. Ни на какого цыгана он похож не был.

Образ в окне невольно напомнил об утреннем приключении: о том странном ощущении, когда отражение в воде внезапно стало реальным. Фальшивое небо в грязной луже приближалось, а потом внезапно обрело яркость и глубину. Дело было не только в том, что видели глаза.

В тот миг мне показалось, будто я нырнула сквозь тонкую пленку мыльного пузыря и по телу мгновенно прошла волна мурашек. Словно я действительно прошла через какую-то физически ощутимую границу.

Я закрыла глаза и отвернулась от стекла. Что за наваждение? Я же поклялась себе не вспоминать! Быстро надела туфли, распустила волосы и пошла к лифту. Валера действительно уже заждался.

Оказалось, я все-таки зря я на него ругалась. Он тоже способен на романтические поступки. Неожиданно Валерий ждал меня за столиком с подарком. По его словам, он бродил по блошиному рынку и, когда увидел эту вещь, то просто не смог пройти мимо. Коробочкой он не озаботился, так что просто вытянул что-то из кармана. На стальной цепочке висел массивный кулон в виде трех скрещенных полумесяцев из темного металла, покрытого черной глянцевой эмалью. Чем-то эта конструкция напоминала знак биологической опасности, но только без центрального кружочка. Я поблагодарила за подарок, но, видимо, в голос таки пробрались нотки сомнения. Валера не был бы собой, если бы тут же не разродился речью. Оказывается, что это старинный герб какой-то французской герцогини Дианы, вертевшей королями налево и направо. По мнению моего кавалера, самым главным было то, что она тоже была рыжей и к тому же, по мнению современников, оставалась вечно молодой и пленяла своей красотой даже в шестьдесят лет. Валера отучился в историко-архивном и мог говорить о своей любимой древней Франции часами.

– Ты же любишь необычные украшения с глубоким смыслом, – произнес он, наконец, показав глазами на мое правое ушко.

«Ничего ты не понимаешь», – хотела я ответить ему, но вместо этого пригубила облепиховый чай, спрятав улыбку за кружкой. Когда он докопался до меня с вопросами, зачем мне такой пирсинг, то не могла же я ему правду сказать. Ответила, что это девять колец назгулов, а веточка, которая в них продета, символизирует то одно, что воедино всех связывает и сковывает. Я была уверена, что Толкиена он не просто зачитал до дыр, но и наверняка даже выучил несколько фраз на эльфийском. Объяснение действительно сработало. Валера проникся моей «тонкой душевной организацией», как он выразился, и добавил, что любит «такие крутые загоны». Короче, ему, наверное, понравилось.

На самом деле я сделала пирсинг на спор. Через полгода после начала работы подвыпившие на новогоднем корпоративе девицы с ресепшен обозвали меня пай девочкой: дескать, я такая юная, правильная и обязательная, что в моем присутствии им даже матом ругаться неудобно. Да, я трудоголик, потому что ничего другого в моей жизни нет, действительно не люблю незавершенные дела, а моя гиперответственность не позволит мне лечь спать, пока я не сделала то, что обещала, но такое заявление все равно меня задело. Бросила им, что они меня еще плохо знают, и на следующее утро пошла и приколола к правому уху это украшение.

Никакого смысла в этом числе не было. Когда мастер спросила, сколько дырок будем делать, на ее столе лежало именно девять колечек. Гулять – так гулять. У меня на шее висел кулончик в виде серебряной веточки, загибающейся как раз точно по контуру уха. Чтобы пирсинг выглядел не слишком по-панковски и имел какой-то свой стиль, я попросила пропустить в отверстия ветку, так, чтобы ее нельзя было вытащить, не разорвав сами колечки. Когда я заявлялась на работу после январских каникул, Николай Петрович неодобрительно покачал головой, заметив на еще красном и немного опухшем ухе это безобразие, но так ничего и не сказал.

У серпентария же это вызвало настоящий шок. Я надеялась, что они оценят оригинальное решение, а они поражались смелости и тому, что: «это же так больно».

Какая же это боль? Девять уколов иглой и всего сутки ухо ныло и дергало. Боль – это совсем другое: когда ты никогда в жизни так и не узнаешь, как сильные руки отца могут обнимать и подбрасывать тебя под потолок, как пахнет его улыбка и каким оттенком светятся его любящие глаза, когда он смотрит на тебя. Боль, это когда в двенадцать лет ты понимаешь,

что мать считает тебя лишним и досадным недоразумением, потому что ты вечно мешаешь им с отчимом, и стремится как можно быстрее выпихнуть тебя из дома, но, одновременно с этим, проклинает, когда ты собираешь чемоданы в столицу, потому что тем самым ты лишаешь ее бесплатной прислуги. Боль, это когда ты мечтаешь бегать босиком по утренней росе, рисовать сказочный лес и распахивать навстречу солнцу окошко своего домика, выходящее в апельсиновую рощу или сад с розами, а вместо этого убиваешь шестнадцать часов в сутки сидя в бетонном мешке, наполненном офисным планктоном, потому что иначе нельзя. Ты живешь постоянно оглядываясь, как бы не выделится слишком сильно, потому что на собственной шкуре знаешь, чем это чревато и как сложно отбиваться от нахальных потных лап. Вот это все – настоящая боль. Укол иглой только на пару минут отвлекает от нее.

В общем, кулон я, конечно, взяла. Стоила эта вещица максимум тысячи две, да и то Валера похвастался, какую большую скидку выторговал у продавца. Это всегда его страшно заводило, когда где-то удавалось снизить цену, так что это точно не то украшение, из-за которого будешь чувствовать себя обязанной. А так, на память... почему бы и нет.

Вообще у моего спутника было сегодня какое-то особо-приподнятое настроение. Желание чем-то похвастать терзало его словно зуд: он ерзал на стуле, нетерпеливо подгонял официанта, а меня слушал, рассеянно кивая и, казалось, не особо-то и прислушиваясь. А я ему, между прочим, рассказывала о моих утренних приключениях, стараясь обойтись без подробностей вроде: «Нырнула в лужу глубиной два сантиметра и вынырнула сухая в другой реальности». В политкорректной версии у меня спер продукты какой-то беспризорник, который умчался с ними в парк, а я осталась сидеть в грязи.

Наконец я не выдержала, спросила его, как прошел день, и принялась уплетать салатик. Мне казалось, что говорить он теперь будет долго. Однако, как выяснилось, изнывал он вовсе не от желания поделиться новостью именно со мной:

– Да мы тут с друзьями в крутую тему наконец вписались. Резко масштабируемся. Раньше все по мелочам работали, а теперь наконец-то реальные деньги от инвесторов пришли. Теперь развернемся.

И замолчал. Ерзать, правда, не перестал.

– Ты никогда не рассказывал подробно о работе. Чем ты конкретно-то занимаешься? – я попробовала продолжить разговор.

– Логистикой. Но такой... с креативным подходом. Пока не хочу бизнес идею палить, извини. Как встанем на ноги, так расскажу обязательно, – Валерий нервно потер нос, подпер подбородок кулаком, якобы чтобы внимательно посмотреть на меня и послушать, но уже через секунду убрал руку и закинул ее на спинку дивана.

Мне стало немного обидно. Рассказать мне – значит спалить идею? Я знала, что у него какой-то там стартап, который он с еще парой однокурсников «мутит», но пока даже примерно не понимала, чем именно они занимаются. Каждый раз какие-нибудь отговорки. Теперь стало понятно, что его распирало не желание рассказать. Он просто был весь на нервах. Я не понимала, как можно так переживать даже из-за огромной суммы, но Валера умел делать драму даже на каких-то копейках. Один раз прицепился к тому, что цена в меню и в чеке за одно и то же блюдо отличалась на тридцать рублей и требовал позвать управляющего, пока ему не сделали скидку на большую сумму. Если ему кто-то пообещал миллион, то сейчас в его голове действительно крутятся одни цифры да купюры, и для меня там места нет.

Кое-как доела салат, попутно стараясь мелкими замечаниями не давать паузам тянуться неприлично долго, сказала, что неважно себя чувствую из-за утренних событий и, попрощавшись, отправилась домой. Пока я шла по кафе, то в отражение витрины видела его рассеянный взгляд мне вслед. Интересно, думал ли он в этот момент обо мне?

До дома добралась за полночь. Скинула туфли, и брякнулась на покрывало на кровати прямо в одежде. Непонятная апатия разбила меня как паралич. Спать не хотелось, но и поше-

велиться было лень. Даже думать не получалось. Просто лежала и смотрела на идеально белый натяжной потолок. Этот день доконал мои нервы.

Спустя полчаса меня все-таки заставила встать жажда. Свет на кухне включать не стала. Пролистывая посты в инстаграме одной рукой, не глядя налила в чашку воды, поднесла к губам, но отвлеклась от экрана, увидев сверкнувшие в отражении огоньки. Так и не отпив ни глотка, я чуть отодвинула руку и посмотрела на то, как дрожит в чашке ночная Москва за окном.

Сразу нахлынули воспоминания-ощущения, которые я испытала, когда провалилась в отражение лужи утром. Тот странный озноб, что волной прошел по телу почему-то никак не получалось забыть. Он ныл где-то внутри и требовал внимания.

В задумчивости поставила чашку на стол, включила дурацкий светильник в виде искусственной свечки, который зачем-то держали на кухне хозяева квартиры, и пододвинула поближе так, чтобы его свет мерцал в чашке. Опустила подбородок на руки и уставилась на отражение. Мелкая рябь воды и фальшивое дрожание светодиодов гипнотизировало. Я пододвинула чашку еще ближе – так, чтобы отражение занимало весь видимый глазу мир. Почему-то это успокаивало.

На меня опять нахлынули воспоминания. Утром в самый момент перед падением в лужу точно так же отражение неба в воде занимало весь доступный моим глазам мир, который вдруг обрел реальность. Так же, как и сейчас.

Неожиданно в пальцах возникло покалывание. Испытанное утром ощущение, требовавшее к себе внимание весь день, вдруг, почувствовав свободу, вырвалось наружу и опять прошло волной по телу. Меня качнуло вперед, но я все-таки удержалась на стуле и в панике отстранилась от чашки. То есть от... чаши?

Я в панике огляделась. Никакого следа от моей квартиры. Темная каменная комната, освещаемая самыми настоящими свечами с оплывшим желтым воском. Витой железный подсвечник, равно как и металлическая чаша на высокой ножке, маячившие перед моим носом, стояли на массивном деревянном столе со старой и шероховатой столешницей. О такую занозу посадить – раз плюнуть. Пахло смолой, гарью и давно не мытым человеческим телом. Вообще было очень душно. Окон в помещении не было, да и горящие свечи явно не прибавляли кислорода.

Справа раздался судорожный всхлип. Я резко повернулась и увидела расширенные испуганные глаза неизвестного мне парня, одетого в черную хламиду. Он прижался к стене в дальнем углу и защищался от меня книгой с блестящим золотым узором на обложке. Потребовалось секунд пять, чтобы все факты сложились в моей голове.

В углу прятался настоящий молодой средневековый монах. Даже аккуратно выстриженная круглая лысина, обрамленная копной темных волос, была такой же, как я видела в фильмах. Я опять провалилась в какие-то древние времена.

Парень что-то пробормотал и еще дальше выставил книгу, словно это должно было меня как-то испугать.

– Простите, где я? – неожиданно хрипло спросила я. От жажды и нервов голос решил устроить забастовку. Пить хотелось ужасно. Посмотрела на чашу, но отхлебнуть не решилась. Мало ли что там. На воду темная жидкость была мало похожа.

– Oh jolie diable! Sortez! – чуть громче прошептал монах и я, наконец, распознала французский. Несчастный принимал меня за дьяволицу, что явилась к нему в келью, дабы соблазнить.

– Я не дьяволица, – ответила я ему уже на французском, – и сама бы рада убраться. Если бы только знала как. Куда я попала?

– Ты в монастыре Беркюфсона, о отец лжи. Тебе не обмануть меня, принимающий тысячи ликов. Сила святого пятиугольника не даст тебе творить тут темные дела.

– Сила кого? – я нахмурилась, вскинула одну бровь и еще раз более внимательно посмотрела на то, чем молодой человек пытался отмахнуться от меня, как от комара. Книга действительно чем-то походила на библию, но на обложке вместо креста сверкал чистым золотом правильный пятиугольник. Другой том, куда более толстый и крупный, лежал в раскрытом виде на небольшом сундуке перед монахом. Возле него на полу находилось еще несколько свечей, расставленных в углах большой пентаграммы.

Да он тут черными обрядами балуется! Небось вообразил себе, что случайно призвал прекрасную дьяволицу, которая будет его совращать.

– Какой сейчас год? – спросила я парня, испуганно бормочущего молитву. Он поднял на меня взгляд:

– Год синего вола, – удивленно ответил он.

К сожалению, ругаться по-французски аристократичная Мария Сергеевна меня не научила, а очень хотелось. Толку от этого испуганного монашка было еще меньше, чем от секретарши нашего вице-президента. Та тоже только машет коровьими ресницами, да строит испуганные глазки, что не спроси.

Черт с ним, с вопросом куда и в какое время я попала. Как отсюда выбраться? Воришка, заставивший меня искупаться в грязи, что туда, что обратно, протащил меня через одно и то же отражение в луже.

Быстро нагнулась к чаше, посмотрела на поверхность плескавшейся там темной жидкости и очень захотела мысленно погрузиться в нее. Особых усилий и не потребовалось. Обратно все прошло гораздо легче. Возникло ощущение, что, перемещаясь в эту келью, я натянула какую-то пружину, а сейчас она мгновенно выдернула меня обратно. Секундный озноб и я по-прежнему сижу на кухонном стуле, за окном переливается огнями ночная столица, а передо мной фальшиво-весело пляшет китайский светодиод в пластиковом корпусе.

– О-бал-деть, – только и выдохнула я.

Усталость и желание лечь спать как рукой сняло. Я ощутила такой прилив сил, словно залпом выпила пол-литра кофе, поэтому запрыгала по кухне, повторяя вслух: «Да! Да! Да! Это же настоящее путешествие в параллельные миры!»

Еще несколько минут назад я была уставшей офисной планктоникой, а теперь внезапно обнаружила себя героем марвеловских комиксов, да еще и в главной роли. Это же настоящая суперспособность: легким усилием ума переноситься в альтернативные измерения.

То, что я путешествовала не во времени, а в иные вселенные было очевидно. Ни в одном французском монастыре в истории Земли не поклонялись святому пятиугольнику. Я только что разговаривала с самым настоящим средневековым монахом из параллельной реальности! Больше всего заводило даже не это, а то неповторимое ощущение, возникавшее, когда я как бы ныряла в отражение. Никогда не пробовала наркотики, но, вероятно, они действовали как-то похоже. Мне очень хотелось еще раз почувствовать ту неповторимую вибрацию, которая охватывала мозг, а затем и все тело на долю секунды.

С трудом остановила себя от попытки второй раз воспользоваться чашкой. Неизвестно еще куда я попаду и что меня там будет ждать. Из лужи в осеннем парке я попала к деревьям в пригороде какого-то британского городка, а посмотрев на искусственную свечку, свалилась как снег на голову к монаху, который читал при свечах. Да и сосуды или водоемы, в которых в обоих случаях находилась вода, были очень похожи.

Это значит, что второй раз воспользовавшись чашкой, я, скорее всего, опять окажусь в келье. Вдруг этот религиозный чудак успел подготовиться и меня схватит местная стража или он просто шарахнет по башке какой-нибудь алебардой.

Страх меня сначала привел в чувство, а потом проник глубже и заставил испугаться всерьез. Совершенно непонятно как я это делаю, куда перемещаюсь и что мне за все это будет. И вообще, с чего вдруг у меня такие способности? Может это как в «Дозорах» Лукьяненко? Раз

тебя затащили в сумрак, то ты становишься иным. Этот чертов ворюга перенес меня в свой мир, а затем обратно и все – я изменилась. Только вот я чуяла, что если способности передаются таким образом, то ими уже должно обладать порядочное количество людей. Этой толпой кто-то должен управлять, в том числе следить за порядком и карать непослушных. Может, меня уже заметили и выслали какой-нибудь ОМОН по мою душу.

На всякий случай я выплеснула воду из кружки в раковину. От греха подальше. Посидела еще минут десять за столом, успокаиваясь и все-таки пошла спать, предварительно проверив, что зарядник телефона воткнут как надо.

Утром подумаю, как мне теперь жить со всем этим.

Глава 2

Проснулась я, как ни странно, в прекрасном настроении и даже выспавшись, несмотря на то что легла во втором часу. В кои-то веки мне даже на пробежку захотелось, хотя я считала, что давно закрыла сезон. Как-никак, сегодня октябрь наступил. Однако погода была фантастическая. Словно Италия или другая средиземноморская страна одолжила вечно зябнувшей российской столице кусочек своей осени: теплой, солнечной, пахнущей поздними яблоками и рябиной.

Быстро надев кроссовки и спортивный костюмчик потеплее – все-таки по утрам было немного зябко – я выскочила на набережную. Дорогу от Москвы-реки отделяла неширокая парковая полоса с тропинками. Именно по ним я и любила бегать. Прохожих там было не много, так как большинство предпочитало тротуары, а редким рыбакам я не мешала.

Валеркин кулон отчаянно колотился под футболкой. Эти полумесяцы имели кончики, что иголки. Как его не поверни, один точно в кожу вопьется. Какое-то садистское украшение. Я вытащила его наружу. Теперь он болтался на каждом шаге. Не сказать, чтобы очень удобно, но хотя бы не больно.

Река сегодня была гладкой как стекло и не воняла тиной. Утренний воздух тоже радовал не московской горной свежестью. Солнце хоть и взошло час назад, но еще подсвечивало золотом облака, а дым из труб на другой стороне реки из-за такого освещения казался фиолетовым. Если бы у меня было на это время, то научилась бы рисовать, села бы тут на набережной и запечатлела бы всю эту красоту широкими яркими экспрессивными мазками. Камера в смартфоне даже десятой доли этих оттенков не передаст. Желто-красные деревья превращали простую аллею в какую-то совершенно немосковскую сказку. Если бы дул ветер, то вокруг меня кружил бы целый водоворот из золотых листьев, но вокруг царил полный штиль. На реке даже ряби не было. Идеальный покой. В отражение можно смотреться как в зеркало.

Я остановилась. Постояла минуту, успокаивая дыхание. Решиться было сложно, но адреналин уже прошел по телу приятной волной от одного воспоминания о вчерашнем вечере. Перемещаться в другие миры было жутко интересно. Помялась на месте пару минут, а потом все-таки свернула к реке. Почему-то этот кусок набережной еще не успели заковать в бетон и с тропинки можно было спуститься прямо к воде. Нашла более-менее твердый клочок земли на илистом берегу, чтобы не увязнуть белыми кроссовками в грязи, присела на корточки на самом краю и, стараясь не плюхнуться, склонилась к поверхности воды. Отражение здесь было совсем не интересное. На другом берегу маячили подъемные краны и какая-то ржавая баржа. Мне совсем не хотелось попадать туда, где будет такой же пейзаж.

В этот момент с дерева на воду приземлился желто-красный лист и поплыл как детский кораблик, гордо задрав нос. Меня словно подбросило – вот оно, нужное отражение. Он покачивался на поверхности совсем рядом. Я пододвинулась чуть в сторону и, склонив голову набок, приблизила глаз к воде так, что все поле зрения в отражении занимал именно этот листочек.

Мгновенный озноб.

Я отшатнулась от воды, боясь упасть, и тут же огляделась.

– Боже, красота-то какая, – не выдержав, сказала вслух.

Буйство красного с редкими вкраплениями золота. Листья в этом месте имели сумасшедше-яркие малиновые и алые оттенки. Я сидела на берегу пруда среди зарослей, а напротив меня на другой стороне виднелся небольшой деревянный мостик, увитый чем-то вроде красного плюща. Небольшая белоснежная дорожка, заканчивающаяся крутыми мраморными ступеньками, вела вверх к миниатюрной японской пагоде... или как там еще называются эти домики, с загнутыми уголками крыш. Это было что-то вроде часовенки, так как жить в столь маленьком помещении, по-моему, было нельзя. Белоснежный домик с ярко-красными балками

по углам и таким же красным заборчиком по контуру был таким милым, что казался даже игрушечным. По краям дорожки торчали миниатюрные деревца, постриженные идеальными шариками. Мне казалось, что будь я на другом берегу, они бы не доставали мне даже до пояса.

Достала смартфон, встала так, чтобы совместить в кадре свою довольную физиономию и этот изумительный пейзаж, так подходящий к волосам, и сфоткала. Получилась просто чудовая картинка для инсты. Я даже автоматически попыталась запостить ее сразу же, но связи, понятно, в этом мире не было.

Тропинок вокруг меня не наблюдалось. Попробовала продраться через заросли, но тут же провалилась ногой в какую-то хлюпающую грязь. Чертыхнувшись, долго оттирала бывший белоснежный кроссовок от красной глины. Подойти к домику поближе очень хотелось, но с третьей попытки я поняла, что вся изгваздаюсь, прежде чем достигну цели. Кроме того, с опозданием в голову пришла мысль, что тут, не дай бог, можно встретить местных жителей. Хорошо, если это современная Япония, а то в средневековье, судя по фильмам, самураи запросто без разговоров убивали всех чужеземцев.

Пришлось тяжело вздохнуть и отступить, хотя очень хотелось задержаться в этом месте подольше. Я даже мечтала бы жить здесь. Гулять по этому волшебному парку, сидеть на крыльчике часовенки и смотреть, как красные листья медленно плывут по идеальной как голубое зеркало поверхности озера.

Сделала еще пару кадров на память и тут же, увидев время на экране смартфона, спохватилась: мчаться домой надо было уже совсем бегом, чтобы на работу успеть. Присела у воды и задумалась: интересно, а чтобы попасть обратно тоже надо подгадывать отражение и ловить проплывающий мимо листик?

Оказалось, что не нужно. Как только я наклонилась, то почувствовала, что меня притягивает к отражению как магнит к холодильнику. Опять создалось ощущение натянутой пружины, которой не терпится втащить меня обратно. Никаких специальных усилий делать не пришлось, скорее наоборот: просто расслабилась и позволила унести домой. Мгновение – и я опять на берегу Москвы-реки, а на другой стороне вместо красивого домика ржавая баржа.

Я автоматически снова посмотрела на часы на экране смартфона и удивленно заморгала. На моих глазах цифры перепрыгнули на двадцать минут, как только телефон поймал сеть. Осознавать этот эффект нужно было после. Поняла, что совершенно безбожно опаздываю и со всей быстротой рванула к подъезду.

Даже несмотря на то, что завтрак пришлось пропустить, на работу я все-таки заявила на пять минут позже. Николай Петрович уже был на месте и крайне неодобрительно посмотрел на меня, когда я заскочила к нему в кабинет. Вслух ничего не сказал, но в этом не было необходимости. Все и так было понятно. Это я должна встречать его утром и рассказывать о планах на день, а не наоборот. Пришлось извиниться и искренне пообещать, что это был исключительный случай.

Меня опять закружила работа. Предстоящий визит в Лондон, который из-за планов одного из главных акционеров неожиданно перенесся с декабря на ноябрь, теперь занимал все мысли моего начальника, а значит, и мои тоже. Требовалось организовать кучу встреч для согласования деталей финансового плана, который Николай Петрович будет докладывать двум конкурирующим за власть акционерам. Нужно было исхитриться и не подыграть ни одному из них, то есть практически пройти по лезвию бритвы.

К сожалению, в Лондон я не поеду. Когда меня взяли на должность личного помощника, я надеялась, что вот теперь точно посмотрю мир и даже собиралась сделать загранпаспорт, но Николай Петрович тут же все четко расставил по полочкам. Ни в одну поездку я его сопровождать не буду. Никогда. Потому что, во-первых, этого не поймет жена: уже на второй день он отправил меня к нему домой, чтобы привести какую-то фигню, а, на самом деле, на смотрины супруге. Вероятно, та осталась довольна кратким общением и внешним осмотром, потому что

меня не выгнали с работы и испытательный срок я успешно прошла. Во-вторых, мой босс не хотел, чтобы по компании ползли хоть какие-то слухи, которые могли подпортить репутацию ему и мне. Он всегда в общении был очень официален.

Гарантированное и подчеркнутое отсутствие какого-либо интереса ко мне как к женщине со стороны немолодого и начинающего лысеть начальника меня более чем устраивало. Немного обидно было только то, что я становилась невыездной. Слетать в Сингапур или в Великобританию, честно говоря, хотелось, но с моим графиком мне не светило попасть куда-либо за границу в ближайшие годы. Отпуска на этой работе не предполагалось. Об этом мне тоже сразу объявили. Даже когда босс отдыхает на море с семьей я должна интенсивно общаться с агентством, которое обеспечивает ему нескучный досуг: организовывать трекинговые походы в горы, добывать дефицитные билеты в какую-то там пинакотеку или придумывать нестандартные экскурсии. Ходить в офис в эти дни было необязательно, но я должна была непрерывно дежурить у телефона и компьютера.

Конечно, я понимала, что с такой загрузкой никакой настоящей личной жизни у меня не будет. Непонятные отношения с Валерой вряд ли могли вылиться во что-то серьезное. Да и вообще никакой мужчина не потерпит, если будет видеть свою девушку только по ночам или редким выходным. Я была готова к тому, что ближайшие пару лет буду одинока и мне придется целиком посвящать себя работе. Зато это позволит закрепиться в столице, накопить достаточно денег и найти потом себе что-то более приемлемое по графику. Продержаться пару лет личным ассистентом у человека такого уровня – это сама по себе очень крутая рекомендация. Уходить опять работать хостес или официанткой мне совсем не улыбалось.

Пока ездил в лифте на обед на второй этаж, против своей воли узнала очередное оправдание для лентяев: дескать, перед Новым годом нельзя убираться, так как грядет год Крысы, которая любит беспорядок, а еще что директор по маркетингу вчера разбил свой новенький бумер о фонарный столб. Срочно начала вспоминать нужно ли мне для встреч босса договариваться о чем-то с этим шумакером, а то такой повод пропадает. Плохая ли новость или хорошая, ее всегда можно использовать себе во благо.

Домой я вернулась поздно, без сил упала на кровать и практически сразу заснула. Даже с утра проснулась уставшей, так что на пробежку не пошла. Встала под душ и стояла грелась минут пять. Все это время смотрела как поток воды стекает по плитке с имитацией старого камня, играя блестками от света ярких ламп на потолке. Поймала себя на мысли, что применяюсь как бы этим воспользоваться. Срочно спохватилась и отпрыгнула подальше. Не хватало еще голой вывалиться куда-нибудь в людное место. Однако любопытство начало меня мучить: а можно ли переместиться с помощью вот такого нестабильного отражения?

Кстати, а почему я перемещаюсь исключительно при помощи воды? Я посмотрела на своего двойника по ту сторону зеркального стекла, быстро выскочила из ванны, оделась и вернулась к раковине. Минут пять пыталась и так, и эдак, но, в отличие от воды, зеркало оставалось просто мертвой поверхностью. Не получалось ни погрузиться в такое отражение, ни даже близко ощутить подступающий приятный озноб. Пришлось опять включить воду, направить душ на стену, снять тапочки и босиком залезть в ванну, чтобы приблизить лицо к стекающему по стене потоку.

Видимо, я так натренировалась у зеркала, что ощущение перемещения захватило меня мгновенно.

Вокруг меня был темный каменный коридор, освещаемый факелами.

Повернуться и оглядеться не успела. Пахнуло тяжелым мужским потом и тут же сзади меня дернули за волосы так сильно и больно, что я с криком упала на спину.

– Эй, сграбил сем чаровницу! – закричал человек в латах, схватил меня за руку, заломил за спину, рывком поднял с пола и поставил на колени. Боль в плече и локте была такая, что я боялась даже дышать слишком глубоко, чтобы не дай бог не сломать себе кости.

Где-то за моей спиной слышались шаги. Проскрипела дверь, гроыхнуло железом по каменным стенам. Меня опять схватили за волосы, чуть приподняли, повернули лицом в другую сторону коридора и уронили на колени. Только тут стало понятно, как неудачно я появилась. Буквально в метрах двух от меня находилась массивная дубовая дверь, у которой стоял второй стражник, а в дверном проеме застыли две фигуры: здоровенный усатый бородатый дядька в мехах и лысый как коленка ушастый невысокий священник в черной рясе до самого пола. За дверью на стене пустой каменной комнаты играли отсветы пламени. Вряд ли это было жилое помещение.

Угораздило же меня появиться прямо в темнице, да еще и перед охраняемыми дверями какой-то пыточной.

– Я не чаровница! – пискнула я и тут же взвизгнула, потому что солдат снова больно дернул меня за волосы.

Внутри меня все сжалось от страха. Я поняла, что на сей раз влипла так крепко, что если выберусь отсюда живой, то мне страшно повезет. Девушка с рыжими волосами, в брюках, появившаяся из воздуха... да в Средние века и за меньшее сжигали.

– Искрено! Появила се е на ходнику. Прав ту, – произнес тот, кто меня держал. Второй стражник неистово закивал. Судя по глазам, испугала я его конкретно.

Священник еле заметно улыбнулся и положил руку на плечо бородатому, давая знак, что говорить будет он.

– Пошлите йо в камеру! Главна стварь е, не дай йи пьаче. Не дай йи воде!

– Кай? – переспросил стражник.

– Не дайте йи воде, сикер дахко побегне! – поморщившись добавил человек в рясе, и, повернувшись к бородатому, добавил: – Сам йо бом заслушивал.

– Как не давать воды? Я же умру от жажды! Я не буду побегнуть! Не надо, мне на работу же – залепетала я, но второй стражник двинул мне в живот кулаком, и я захлебнулась воздухом. Мир для меня померк и скукожился в маленький шарик, который дикой болью разрывал меня изнутри. Стало невозможно ни думать, ни осознавать, что происходит вокруг. Меня куда-то тащили по каменным коридорам, скрипела дверь, а потом я упала и сильно со всего маху ударилась скулой о камень.

Боль отступала медленно и неохотно, а вселенная вокруг плавно обретала резкость. Постепенно я поняла, что лежу на каменном полу. Меня бросили в камеру – небольшую темную каменную клетушку два на два метра. Живот потихоньку проходил, но теперь болела и слегка кружилась голова. Видимо, знатно башкой приложилась.

Поморщившись, потрогала скулу. Наверное, там была приличная ссадина. На секунду я испугалась как же я с ней на работу-то заявлюсь... и тут же заревела. Дура я, дура! Какая работа?! Меня тут вообще скоро казнят!

Я тонула в жалости к себе, наверное, с полчаса, а может и больше. Воротник блузки стал мокрым от слез и мне постепенно стало холодно. Хотя из небольшой щели под потолком струился слабый свет, но создавалось впечатление, что я глубоко под землей. Стены не сложены из блоков или кирпичей, а монолитный камень, как будто эту клетушку вырубили прямо в скале. Вокруг царила абсолютная тишина. Пахло паленой тряпкой от факелов, которые чадили где-то за дверью, и гнилью. Время здесь текло непонятно. То ли час прошел, то ли всего десять минут, показавшихся вечностью.

Постепенно истерика прекратилась и на меня накатила апатия. Словно во мне кончились и страх, и слезы. Стало все равно. Я сидела на полу, прислонившись к стене, дрожала от холода и тупо смотрела прямо перед собой. Боль уже совсем прошла, голова не кружилась, только скулу пощипывало.

То ли от нервов, то ли от того, что выплакала целое ведро слез, я захотела пить и тут же вспомнила о страшном приказе священника. Воды мне не дадут, как не проси. От мысли,

что меня тут могут продержат пару дней без капли жидкости, язык моментально пересох, и жажда затмила все остальные мысли. Встала и обошла камеру кругом. Несмотря на подземную сырость, на стенах не было ни единой росинки. Паника начала возвращаться. Как же я без воды то?

В полной растерянности опустилась обратно на пол в уголке.

Откуда этот поп знает, что я могу сбежать с помощью жидкости? Получается, что сюда уже наведывались те, кто мог так же перемещаться сквозь отражения, причем настолько часто, что этот инквизитор почти не удивился моему появлению.

За железной дверью раздались гулкие шаги. Засов неприятно заскрежетал, и я даже обрадовалась и начала подниматься: меня не будут тут убивать жаждой, держа взаперти сутками.

В проеме двери появились три солдата коричневых кафтанов. Руки лежали на рукоятках коротких мечей, а в глазах горела такая злоба, что я отшатнулась и плюхнулась обратно.

– Встани! – резко приказал один из них.

Я послушно поднялась, нервно комкая в пальцах низ блузки.

– Приди вен! – стражник кивнул на выход, а когда я прошла мимо, ткнул мне ладонью промеж лопаток, подгоняя, и прошипел: – Капитель тя бо мучит, чаровница.

«Мучить», – слово расплескалось в моем мозгу новым страхом. Ноги от слабости начали подгибаться. Меня же ведут на пытку! Невольно вспомнила все ужасные картинки, которые видела в какой-то книжке про инквизицию. Дыбы, сапоги с шипами, стулья с гвоздями и другие способы заставить человека орать и признаваться во всем, в чем только попросят. И сейчас эти ужасы будут применять на мне! «Мамочки...» – сказала я вслух, но шла послушно как кукла. От страха все мысли выскочили из головы, пульс громыхал в висках как набат, а перед глазами замелькали цветные мушки.

– Здай нам все поведаш, – довольно и зло произнес кто-то за моей спиной.

Впереди уже маячила та самая дверь, возле которой меня схватили. В этот момент меня как громом ударило: а где же та вода, благодаря которой я сюда попала? Ведь всегда там, куда я переносилась, был такой же сосуд или водоем. Разум тут же обрел привычную четкость и ускорился так, что мысли начали мелькать как кадры в быстром музыкальном клипе. В своей ванне я смотрела на текущую по кафелю воду. Имитация каменной стены. Здесь тоже должен быть вертикальный поток. Где же он?

Наконец я увидела еле заметные струйки в метрах трех от двери. Они стекали по камням откуда-то из-под потолка и исчезали между плит на полу. Размышлять, откуда ручьи в центре замка, было некогда. У меня оставался единственный шанс сбежать.

Для начала я чуть пошатнулась, а еще через пару шагов театрально изобразила обморок: поднесла руку тыльной стороной ладони ко лбу, застонала и стала заваливаться влево, к стене. Я рассчитывала, что стражники так меня ненавидят, что вряд ли будут подхватывать на руки и спасать от падения. Пару секунд у меня в запасе должно быть. Если бы я перемещалась в новое место, то никогда бы не успела сконцентрироваться, но обратно домой всегда выдергивало мгновенно. Прислонилась к стене. Как только голова оказалась у блестящих струек воды, тело сразу охватил знакомый озноб. Никто из солдат действительно схватить меня не успел.

Не знаю, сколько я сидела в ванне прямо в одежде под струями душа. Несмотря на горячую воду, меня колотила крупная дрожь. Упокоиться и поверить в свое спасение было непросто. Только спустя целую вечность я, наконец, вылезла из-под воды и взглянула не себя в зеркало. Признаться, я ожидала чего-то более страшного. На скуле всего несколько мелких царапин, но постепенно наливался синевой здоровый синяк. Как только начала прикидывать, как же его замаскировать, как тут же вспомнила о работе. Выскочила из ванной, заметалась по квартире и нашла смартфон на кухонном столе.

Цифры 14:32 были как приговор. Я провела в этой чертовой тюрьме целых шесть часов! Босс меня на куски порвет.

Пропущенных звонков от него не было. У меня возникла слабая надежда, что, возможно, он опять куда-то уехал. Как можно быстрее высушила голову, переоделась, замазала скулу тональником и помчалась в офис.

Сегодня был определенно не мой день. Как только села в свое кресло и разбудила комп, то увидела сообщение от Николая Петровича в корпоративной системе: «Зайди ко мне срочно!» Понятно, почему он не звонил и не писал в мессенджер: сообщения в этой программе нельзя посмотреть с мобильного. Теперь он точно знал, что я не появлялась на рабочем месте полдня.

На дрожащих от страха ногах подошла к двери его кабинета. Пока бежала в офис, то так и не смогла придумать правдивую легенду на что можно было легально убить столько времени.

Повинуясь импульсивному решению, быстро вернулась к столу, достала из ящика сал-фетку, стерла все следы тональника со скулы и только после этого приоткрыла дверь:

– Можно, Николай Петрович?

– Заходи.

Босс мрачно смотрел на меня, пока я шла вдоль длинной столешницы. Синяк он заметил примерно на середине комнаты: его брови удивленно дернулись вверх.

– И что с тобой случилось на этот раз? – ехидная саркастическая фраза явно была заготовлена заранее, но из-за моего вида она прозвучала как-то вяло. Доказательства того, что со мной действительно что-то произошло, были, так сказать, налицо.

– Я провела полдня в милиции, – сказала я и сама удивилась, почему брякнула именно это. Мозг лихорадочно защелкал, просчитывая дальнейшие варианты ответов.

– Это там тебя так разукрасили? И что ты натворила? – в голосе начальника был живой интерес. Еще чуть-чуть, и сопереживать начнет, если повернуть беседу в правильное русло. Продолжила говорить слабым и уставшим голосом:

– Нет. Просто случайно наткнулась на того, кто меня ограбил. Оказывается, он живет в том же дворе. Этот бандит понял, что я его узнала, и угрожал мне расправой, если пойду к ментам. Вон, видите, ударил как... даже ножом угрожал. Я вообще не думала писать заявление до этого дня, но теперь это стало уже опасным для жизни. Как только пришла в себя, то зафиксировала в травмпункте побои и сотрясение, а затем пошла в наше отделение. Там меня заставили дожидаться пока за ним наряд съездит. Зато теперь мне точно никто больше угрожать не будет. Простите, из-за сотрясения голова просто сама не своя. Сначала не сообразила вас предупредить, а в отделении пользоваться мобильником уже не разрешили.

Чтобы подкрепить слова о сотрясении, слегка покачнулась, так же как в коридоре перед стражниками, и коснулась кончиками пальцев виска.

Кажется, я все верно рассчитала. Судя по глазам, злости на меня у Николая Петровича уже не было. Раздражение и досада остались, но не конкретно в мой адрес.

– Надеюсь, на этом твои приключения закончатся. Как ты себя чувствуешь?

– Я могу работать, – ответила я таким голосом, что будь рядом доктор, он бы ринулся щупать мне пульс, чтобы удостовериться, что я не собираюсь помирать прямо сейчас.

– Нет уж. В таком состоянии ты такого натворишь, что потом разгребать неделю. Иди домой, ложись в кровать. Завтра жду тебя с утра. Не опаздывай.

– Но Николай Петрович! Я могу! Я не хочу вас подводить! – слабо запротестовала я.

– Сегодня ничего срочного нет. Все можно отложить до завтра. Иди домой. И не подводи меня больше.

– Хорошо, – вздохнула я и проникновенно добавила, – Спасибо большое.

Прежде, чем выйти к лифтам, я все же зашла в туалет с косметичкой и опять замазала синяк. Незачем коллегам видеть подробности моей странной жизни и креативить новые сплетни.

Проверила, что в кабинках никто не затаился, вернулась к зеркалу и грозно показала своему отражению в зеркале кулак:

– А ты, оказывается, страшная лгунья, Александра! Как ты могла?! – зло прищутив глаза, сказала я отражению. Мне действительно было очень стыдно. Если бы умела, и моя вечно загорелая кожа бы это позволяла, то сейчас точно покраснела бы:

– Ты же людей подводишь. Он тебе верит и зависит от тебя, а ты ради простого любопытства подвергаешь риску и свою жизнь, и его карьеру. Эгоистичная гадина! И не смей больше! Никогда! Забудь про все эти параллельные миры! Ты там чуть не сдохла. В следующий раз может не повезти!

Мне стыдно было до ужаса, и я действительно верила в это обещание.

Придя домой, я честно завалилась в кровать. От пережитого дважды стресса меня коло-тило всю оставшуюся дорогу, так что я накрылась пледиком и сразу же вырубилась.

Сон прервал телефонный звонок Валеры:

– Алло, – пробормотала я.

– Мать, ты что, спишь, что ли? Посмотрела «спокойной ночи малыши» и в кроватку?

– Валер, хватит издеваться. Я плохо себя чувствую. Заболела, взяла отгул и сплю. Ты чего хотел?

– Думал тебя на прогулку вытащить, но раз ты бацилла заразная, то лучше как-нибудь в другой раз. Мне болеть сейчас не с руки. Кстати, а ты что, в Японию одним днем, что ли, смоталась?

– В какую еще Японию? – спросонья я не поняла, о чем он.

– Ну твое фото в инстаграме.

– А... это старое... – пробормотала я. Оказывается, он смотрел мою инсту, а я даже не знала.

– Какое старое, если ты на нем с моим подарком на шее? Да и дата у снимка вчерашняя. Геометки только нет, что странно.

С шумом выдохнула воздух, моментально окончательно проснулась и спешно начала придумывать, что же ему ответить.

– А, ты об этом фото... – протянула я.

– Ну да.

– Так это я в Москве сделала. Неожиданно наткнулась в парке на такое красивое местечко и решила сфоткать.

– Фига себе. Тут такие есть? Покажешь? Я бы фотосессию там замутил. Огонь снимки будут.

– Покажу... если найду опять, – с сомнением в голосе произнесла я, – ладно, не мучай меня, спать хочу.

– Хорошо, покеда. Лечись. Пей там чай с малинкой и все такое.

– Нет у меня малины.

– Так закажи! Сейчас что угодно домой привозят. Давай, пока.

Телефон погас, и я еще пару минут смотрела на черный экран. Приехать и привезти лекарства или варенье он мне так и не предложил.

Легла обратно и еще долго разглядывала потолок, размышляя о том, сколько глупостей я сегодня натворила. Кстати, интересно, а вдруг босс тоже смотрит мой инстаграм? Что он-то подумал о чисто японском селфи?

Глава 3

Два дня я была паинькой. Приходила на работу аж на полчаса раньше, чем надо, и уходила строго после начальника. Быстро исправила все косяки, которые возникли из-за прогула и даже заслужила похвалу Николая Петровича.

Валера так и не появлялся, отшучиваясь в мессенджере, что он слишком занят по бизнесу, а я особо не настаивала, надеясь, что он скоро забудет про мое обещание показать ему японский домик в Москве.

В общем, жизнь практически вошла в привычное русло и мне казалось, что это доставляет мне некоторое удовольствие. Это был своего рода аутотренинг: я нормальная, как все. Мне нравится ходить на работу и посвящать все время любимому делу, за которое еще и платят прилично. Вопреки моему графику у меня даже есть какие-то намеки на личную жизнь. Мои прежние подруги – новыми в Москве я так и не обзавелась – наверняка мне завидовали.

На третий день возвращалась с работы домой вдоль набережной. Теплый ветерок дул со стороны реки и, несмотря на усталость, было так хорошо, что хотелось прыгать, танцевать и бегать. Ноги так устали от туфель, что я оставила их на работе и одела легкие кроссовки, ждавшие этого часа в ящике стола. Подойдя к парапету, немного перегнулась через него, повисла на руках и смотрела на отражение Москва-сити в реке. Это было очень волнительно. Дело было не в царстве огней, бетона и стекла на другой стороне реки. Меня притягивала вода.

Наконец призналась себе, что наслаждение спокойствием последних суток было насквозь фальшивым. Когда ты сходишь с американских горок в парке аттракционов, то в первые мгновения стоять на твердой земле очень приятно. Если от страха во время крутых виражей душа уходит в пятки, то потом ты идешь по парку дальше и радуешься, что остался жив, но все это ровно до тех пор, пока на горизонте не замечаешь другую карусель, от которой дух захватывает.

Тот адреналин, который я получила от нырков в другие миры, был круче, чем американские горки, прыжки с парашютом и все другие экстремальные виды спорта, вместе взятые. От него нужно было отдохнуть, но и жить без него я уже не могла.

Проникновение в отражения стало для меня адреналиновым наркотиком. На работе я все время находилась на нервах: непрерывно решала какие-то невозможные проблемы, держа себя в строгих рамках делового этикета. Даже когда нужно было орать на нерадивого накосячившего подрядчика, вся истерика разыгрывалась как по нотам. Это напряжение требовало выплеснуть его вовне. Если бы не открывшееся умение, то мне пришлось бы купить мотоцикл и носиться после работы по улицам под сто двадцать, лавируя в потоке, забыв про тормоза и жадно ловя адреналин. В конце концов разбилась бы на фиг, конечно, но я, слава мирозданию, неожиданно нашла иной выход.

На работу мне только в понедельник. Иногда начальник звонит и в выходные, но если я отвечу не сразу, это не так критично. Даже если чуть задержусь на той стороне отражения, ничего страшного не произойдет. Главное – быть очень осторожной, сразу оглянуться и тут же нырнуть обратно в случае хоть какой-нибудь опасности.

Спустилась по бетонным ступенькам и присела на корточки у воды. В реке игриво поблескивали фальшивые бриллианты неоновых реклам и офисных окон небоскребов. Адреналин уже зашкаливал. У меня даже руки затряслись. Несколько раз вздохнула, успокаиваясь, а затем вызвала привычное напряжение в голове.

Сразу после перехода резко прокрутилась на месте. Мимо меня шли потоки людей. Яркие рекламные вывески, казалось, парят прямо в воздухе. Я оказалась на небольшой площади возле хилого фонтанчика. Никто не заметил моего внезапного появления и не пытался схватить. На меня вообще не смотрели. Прохожие спешили по своим делам.

Похоже, что я впервые попала не в прошлое, а в будущее. Большинство людей неспешно передвигалось на парящих в воздухе дощечках. В воздухе парили объемные движущиеся картинki рекламы, поражая меня надписями на неизвестном мне языке – я и буквы-то распознать не могла. Несколько витрин показывали мне мое же изображение в каких-то невероятно сверкающих нарядах. Каким-то образом картинка, наверное, транслировалась каждому индивидуально. По ушам была какофония из музыки и непонятных мне рекламных призывов. Мутноватый воздух был пропитан неприятным химическим запахом смога. Задрала голову. Вершины башен скрывались в желтоватом тумане. Про экологию тут явно вообще не слышали.

Настороженно оглядываясь, я медленно отошла от фонтана и направилась к краю небольшой площади, внимательно разглядывая прохожих. А посмотреть было на что. Их и людьми-то можно было назвать с большой натяжкой – сплошные киборги. Кое-кто сохранил человеческое лицо, заменив только глаза на поблескивающие линзами устройства, по другим вообще нельзя было понять, есть ли внутри конструкции живой мозг или я вижу робота.

Я отличалась от них ярче, чем белая ворона в стае черных кошек. Моя лишенная каких-либо электронных оптимизаторов тела персона явно привлекала ненужное внимание. Вот пролетевший мимо четырехрукий мужчина обернулся и уставился на меня как баран на свежее выкрашенные ворота, а вот нелепое пластиковое гуманоидное существо, изображающее из себя женщину, достало из разъема в бедре какое-то плоское устройство формата пудреницы и навело на меня. Хорошо еще, если это местный аналог смартфона, а не оружие.

Сердце опять начало ускоряться. Меня однозначно распознали как чужую. Нужно спрятаться. Я как раз стояла возле какого-то залитого светом павильона, напрочь лишенного дверей, и поэтому предпочла заскочить внутрь и скрыться от прохожих за ослепительными огнями витрин.

Как ни странно, в этом магазине не было продавцов. На белоснежных стойках лежали плоские круглые шайбочки из темного стекла, поблескивая огоньками – точно так же, как в нашем магазине электроники выставлялись бы смартфоны, но ни одной живой души в помещении не было. Оглянулась на вход, но пока за мной с улицы никто так и не вошел. Была надежда, что нездоровое любопытство прохожих быстро рассеется, если не маячить у них перед глазами или линзами.

Подошла к центральной выделяющейся среди остальных стойке и дотронулась до лежащего на ней устройства. Женщина на улице держала почти такое же – плоский кружочек, толщиной несколько миллиметров, а в диаметре около пяти сантиметров. Больше всего он походил на обточенный волнами черный камень на морском берегу. Этаким кругляшок, который будет классно скакать лягушкой, если кинуть его на гладкую поверхность пруда.

Как только пальцы коснулись глянцевой поверхности, вокруг руки развернулась трехмерная полупрозрачная картинка: какие-то символы, рисуночки и линии. Несмотря на то, что они окутали ладонь как толстая перчатка, кисть по-прежнему было хорошо видно. Пошевелила пальцами, и трехмерная структура изменилась. Что с этим всем надо было делать – совершенно непонятно, но выглядело очень круто.

Осторожно взяла эту интеллектуальную пудреницу в руку. Ничего не случилось. Положила ее в сумочку и огляделась: не завоет ли сигнализация, не выбежит ли откуда-нибудь охранник? Все было тихо. Мной управлял адреналин. Я слабо понимала, что делаю. Да, воровство, но уйти без сувенира из такого мира было непростительной ошибкой.

Подошла к дверям, но и это тоже не вызвало никакой реакции у магазина и его охранных систем. Вряд ли здесь практиковали коммунизм, когда можно было брать бесплатно что захочешь: обилие рекламы на улице говорило, что деньги здесь точно ценят. Предположила, что плата за товар списывалась у местных обитателей со счета на выходе при помощи какого-нибудь чипа, как это уже делалось в некоторых продвинутых западных магазинах на западе.

Выглянула на улицу и тут же спряталась обратно: там уже поджидала небольшая толпа. Как только они увидели мое лицо, то тут же зашептались и начали показывать друг другу на меня пальцами.

Пuls подскочил до ста сорока, не меньше. Медлить нельзя! Каким бы беспечным ни выглядел этот фантастический мир, здесь явно должна быть полиция, и она, судя по количеству зевак, уже мчится сюда по мою душу. И дело вовсе не в кругляшке, который сейчас прятался на дне сумочки: в конце концов, я же еще не вышла из магазина. Во мне уже распознали чужака.

С шумом выдохнула воздух, подпрыгнула пару раз для разминки и рванула с места что есть мочи. Выскочила из-за витрины и понеслась к фонтану как испуганная лань, случайно сбив с летающих досок пару прохожих. Толпа за моей спиной зашумела, но помешать не успела или не пыталась.

На гранитном покрытии возле фонтана было так скользко, что кроссовок поехал как на льду, и я упала на колени. Так и подъехала к воде – на четвереньках. Стукнулась грудью о бортик и чуть было по инерции не врезалась лицом в мутную грязноватую желтую жидкость, наполнявшую фонтан. Непроизвольно вдохнула противный химический запах. Ну и мерзость! Перемещение случилось за мгновение до того, как я должна была коснуться носом этой жижи.

– О господи! Девушка, ну и напугали вы меня – шарахнулся в сторону мужчина в пальто, кутивший на ступеньках у самой воды.

– Простите, пожалуйста, – произнесла я и быстро побежала от реки прочь. Энергия и страх еще стучали в висках как тамтамы и тело требовало движения.

Адреналин начал отпускать меня только у самого дома.

Это было весело. Да, опасно, но очень интересно. Я добыла настоящее фантастическое внеземное устройство! Где-то на краю сознания меня, конечно, грызла совесть, что я его попросту украла и теперь мало отличаюсь от того воришки, с которого начались мои приключения, но я гнала ее прочь. Побывать в таком месте и не захватить с собой какой-нибудь мелофон мог только дурак.

Теперь бы еще понять, что этот гаджет умеет делать.

– Алекса! – окликнули меня.

Замерла на ступеньках подъезда. Так меня называл только Валера. Почему-то ему не нравилось имя Саша и он придумал свой европейский вариант.

– Что ты тут делаешь? – искренне удивилась я и обернулась.

Он стоял возле своего старенького BMW. Почему-то я интуитивно ожидала, что он все-таки достанет букет с заднего сидения, но нет. Пиликнула сигнализация и Валера подошел ко мне.

– Как ты меня нашел?

– Я же провожал тебя когда-то до подъезда. К сожалению, не знаю квартиру. Пришлось тут сидеть три часа.

– А чего не написал, не позвонил?

– Разговор не для телефона, – он недовольно поморщился, – да и трубка села. Напоишь меня кофе?

Впервые мужчина напрашивался ко мне домой. Я колебалась несколько секунд, пока не взглянула ему в глаза. Нет, сейчас речь шла вовсе не о романтике. У него случилось что-то серьезное. Валерий действительно хотел просто поговорить.

– Да, конечно. Пойдем, расскажешь, что произошло.

Задумавшись, я достала ключи с пластиковым брелоком-ключом от подъезда, а вслед за ними из сумочки вывалилось и хрустко упало на асфальт глянцевое круглое внеземное устройство. Сухой треск удара заставил пробежать по спине неприятные мурашки. Был бы это смартфон, то стекло бы точно разбилось.

Валера опередил мое: «Не трогай!», – быстро нагнулся и подхватил гаджет. Его руку тут же окутало разноцветное сияние.

– Ого... Это что еще за хрень? – он удивленно рассматривал переливающиеся в воздухе иконки.

– Отдай! Я же просила не трогать! – протянула руку, а у самой уже коленки от волнения дрожали. Понимала: придумать хоть какую-нибудь правдивую историю в данных обстоятельствах невозможно.

Валера не спешил возвращать мне находку.

– Это что? Дри Дэ проектор? Какой-то китайский смартфон с голографическим дисплеем? Я бы точно знал, если бы такие появились.

– Дай сюда. Пожалуйста.

Он коснулся второй рукой мерцающего облака. В ответ оно вспыхнуло голубым, свернулось в небольшой парящий в воздухе над ладонью кубик. Тот помигал секунды три, затем вспыхнул красным и издал противный звук.

– Быстрее. Он сейчас тебя током шарахнет! – быстро крикнула я.

Валера испуганно протянул мне кругляшок, а я тут же спрятала его в карман.

– Так все-таки что это?

– Не здесь. Пойдем, кофе тебе приготовлю.

Я надеялась, что пока мы едем на пятый этаж на лифте, успею что-нибудь придумать, но увы: я так нервничала, что в голову ничего не пришло, даже пока медленно наливала воду в кофеварку и закладывала в нее капсулы.

– Фига себе, у тебя тут очень спартанская обстановка. Ты меня не обманываешь, здесь действительно живет девушка? Больше всего это похоже на берлогу холостяка. Только слишком чистую и без горы посуды в раковине, – Валерий ходил по квартире, засунув руки в карманы пальто. Снимать его он почему-то тоже не стал.

– Я здесь только сплю. Какой смысл украшать стены, если ночью все равно ничего не видно.

Завядшие хризантемы в горшке он, конечно, заметил, но ничего не сказал.

– Знаешь, я думаю, что ты инопланетный агент, который прикидывается человеком. Потому и живешь так. Ты просто не знаешь, как выглядит квартира у нормальных людей.

– Прекрати издеваться, – поставила перед ним источающую горький аромат чашку, – Вот. Кофе по-римски, если верить производителю капсулы.

– А я серьезно. Что это за фигня, которую ты выронила? Уверен, что это сделано не на Земле. Откуда оно у тебя?

Сколь время не тянуло, все равно ничего толкового не придумала, да и держать все секреты в себе дальше, не имея возможности ни с кем поделиться, было невыносимо. В конце концов, если не ему, то кому еще?

– Я сперла эту вещь из другой вселенной! Трудно объяснить. Мне случайно показали дверь, которая теперь открывается персонально для меня. Просто повезло. В какой мир она меня приведет – каждый раз сюрприз. То я оказалась в каком-то замке, где меня чуть как ведьму не сожгли, то в келье у какого-то монаха, который молился святому пятиугольнику, а недавно попала в какой-то хай-тек мир. Там по улицам бродят сплошные киборги. Зашла там в магазин и нагло сперла вот эту штуку. По-моему, это что-то типа смартфона.

Как только я это выпалила, мне сразу даже легче стало.

– Охренеть. Ты меня сейчас разыгрываешь, что ли? – он медленно опустился на стул.

– Слушай, я впервые тебе открылась, а ты не веришь! Сейчас этот кофе я тебе за шиворот вылью!

– А где эта дверь? Ты можешь показать, как через нее пройти или... проводи меня?

– Не могу, – соврала я.

- Почему?
- Она внутри меня.
- Слушай... в это невозможно поверить. Ну правда. Ты можешь хоть как-то доказать или показать там?
- А гаджета из будущего тебе мало?
- Да мне проще поверить, что ты инопланетный агент, чем что ты шагаешь в параллельные вселенные как к себе домой.

Села за стол напротив Валеры и наклонилась, делая вид, что хочу пристально посмотреть ему в глаза. Чашка с кофе все еще стояла посередине точно между нами – там, куда я ее поставила. Почему-то мне не хотелось раскрывать все карты сразу и показывать, как именно я перемищаюсь. Валера смутился и немного отстранился, а я, вздохнув, опустила взгляд и посмотрела на отражение белого потолка в черной поверхности кофе.

Мгновенный озноб, и я оказалась в большой пещере. Быстро провернулась кругом – но вокруг не было ни души. Кожа от холода моментально покрылась мурашками, изо рта вырывались клубы пара. Подземный зал освещался отражающимся в небольшом озере потоком солнечных лучей из щели в куполе. И стены, и высокий, покрытый сталактитами потолок блестели идеальным белоснежным цветом. Не знаю, был ли это цвет камня или так сверкал покрывающий все иней.

Отломила сталактит, торчащий из пола рядом со мной, и сделала шаг к озеру, но меня остановило чувство глубокой неправильности. Что-то было не так. Какая-то часть меня сопротивлялась мысли нырнуть в отражение впереди. С закрытыми глазами я покрутилась на месте, пока не почувствовала ту самую натянутую пружину, что звала меня домой... вниз. Посмотрела под ноги. Изредка падающие сверху капли продолбили в камне небольшую выемку, в которой скопилось от силы полстакана. Именно через этот местный аналог чашки я сюда и перенеслась.

Когда я вернулась на кухню, Валерий так и сидел за столом, растерянно глядя на мой стул. При моем появлении он вздрогнул.

– Вот. Держи. Сувенир на память из какой-то пещеры в Исландии, – я протянула ему холодную каменную белоснежную морковку.

Он осторожно взял ее.

– Офигеть! Это ты так в любой момент можешь исчезнуть?

В моем мозгу как тревожная лампочка вспыхнула мысль: «Не говори!»

– Нет... максимум раз в неделю, – ничего лучше я не придумала, – словно какой-то заряд должен накопиться. Теперь вот по твоей милости мне еще семь дней ждать.

– Пятьдесят два раза в год. Это уже много. А что, повлиять на то, в какое место ты переносишься, никак нельзя?

– Или я еще не поняла как, или нельзя. Я не знаю. У меня же нет никакого самоучителя или инструкции. Все методом тыка, и, надо сказать, весьма опасного. Два раза еле ноги унесла.

Валера посидел пару минут о чем-то размышляя, вертя свой айфон в руках и нервно постукивая ногой.

– Что все-таки эта штука с голографическим интерфейсом делает? – наконец спросил он.

– Не знаю. Я в ней так и не разобралась. Все надписи на другом языке.

– Можно еще раз посмотреть? Я ничего делать не буду, обещаю.

Достала гаджет из сумочки, подержала в ладони и с сомнением опустила на стол. Он положил свой смартфон рядом и уже было протянул руку к кругляшку, как тот ожил сам. Помигал какими-то порхающими в воздухе иконками, вспыхнул зеленым на пару секунд и погас.

Выключенный айфон тут же отреагировал так, как будто его подсоединили к мощному заряднику: на глазах батарейка за секунду наполнилась до ста процентов.

– Вот это да! Ты видела?! – воскликнул Валера и вскочил, опрокинув стул.

Я спокойно кивнула.

– Эта штука только что хакнула мой телефон! Сама разобралась в незнакомой технологии и сообразила... это же искусственный интеллект какой-то.

– Тогда он опасен. Представляешь, что будет, если доступ в интернет получит? Взломает еще, не дай бог, что-нибудь. Вдруг я скайнет притащила с собой, который ядерную войну начнет?

– Если он на защищенный айфон потратил меньше секунды, то твой домашний вай-фай или наши сотовые сети тем более уже давно взломал, – пожал плечами Валера, поднимая стул и садясь на него.

Подошла к кухонным шкафам, нашла там железную коробку из-под крупы и засунула устройство из будущего в нее, плотно закрыв крышку:

– Вот. Туда никакие сигналы не должны проникать.

– Ты что, так и будешь его прятать? Ты представляешь, за сколько эту штуку загнать можно, если нужных людей найти? – в возбуждении он опять вскочил со стула и заходил по кухне туда-сюда.

– Ты все о деньгах. Здесь опасные технологии. Если они попадут не в те руки, то может быть все что угодно.

Валера взъерошил волосы:

– Ты не понимаешь!

– Нет, это ты меня понять не хочешь! – пришлось повысить голос, – Это я жизнью рисковала и рискую до сих пор!

Воцарилась напряженная пауза.

– Кстати, ты о чем поговорить-то хотел? – я попыталась разрядить обстановку.

Он рассеянно посмотрел на меня, а затем махнул рукой:

– Да в общем-то это уже не важно. Ты меня потрясла до глубины души. Это же такие перспективы! А ты только в иные миры можешь так перемещаться, или в другие страны на нашей Земле тоже? Вон каменная сосулька... ты же сказала, что она из Исландии!

– Просто так ляпнула. Пещера была где-то далеко на севере. Там было все в иное, а я недавно видела в инсте фотки ледяных пещер в Исландии, поэтому мне в голову и пришло, сказать что эта каменная морковка оттуда.

Мне показалось, что он мне не очень поверил.

– Ладно, мать, извини. Мне бежать надо. Сосульку я же могу взять?

– Это сталактит. Или сталагмит. Я их все время путаю.

– Да пофиг, – он сунул искрящийся белизной обломок за пазуху, – Спасибо за доверие. Я до сих пор в шоке!

Валера чмокнул меня в щеку и резво выскочил за дверь.

В странном опустошенном состоянии вернулась на кухню. Полная чашка кофе так и стояла на столе.

Не сделала ли я ошибку, рассказав ему все? С одной стороны, чувствовала сильное облегчение, что больше не держу эту тайну в себе. С другой... я как-то надеялась на сочувствие и понимание. Валера вроде бы мне поверил, но я ощущала щемящую пустоту от того, что так и не нашла в нем поддержки.

С чего я вдруг решила, что это важный для меня человек? Тот, кто дорожит мной, так бы не поступил. Решила, что, пожалуй, больше не хочу его видеть. Рядом с ним всегда так сложно и вместе с тем невыносимо одиноко. Это точно нельзя было назвать отношениями. Никакие совместные фотки в соцсетях этого не стоили. Мне гораздо проще жить одной.

Вот только Валерий теперь знал мою тайну.

Не сделала ли я только что страшную глупость? И, кстати, зачем он все-таки приходил?

Глава 4

На следующее утро я вскочила с матраса преисполненная решимости наконец во всем разобраться.

Всю ночь не спала и думала. Сначала о своих странных отношениях с людьми. Корила себя за холодность. Если подумать, то ни верных подруг не осталось – одноклассницы из родного городка остались в другой жизни – ни молодого человека, к которому я испытывала бы нечто большее, чем просто любопытство тоже как-то не возникло. И это при том, что сходилась с новыми людьми запросто. Могла заговорить с любым кассиром в фастфудовской забегаловке и поболтать с ним хоть полчаса. Когда-то использовала этот прием, чтобы обедать в ресторанном дворике торгового центра со скидкой «для своих».

Вот только личной жизни это никак не помогало. Прекрасной собеседницей я была только пока играла роль: говорила только то, что собеседник хотел услышать. Никогда не раскрывалась полностью. Никто из коллег не знал меня настоящую. Даже Валера, с которым я провела столько времени, болтая в кафешках, наверняка не мог сказать, что меня действительно интересует и волнует. Ради шутки как-то спросила у него, какая музыка мне нравится. Он перебрал всех модных исполнителей, но так и не угадал.

Вчерашняя откровенность сегодня утром меня удивляла. С чего я вдруг начала болтать как на исповеди? Неужели настолько соскучилась по живому настоящему общению? Никогда не думала, что одиночество так на меня подействует.

Вообще жизнь в последнее время все больше напоминала зебру. Меня мотало от белой полосы к черной со все возрастающей амплитудой. Текущая дислокация была на стороне света, но вопрос только в том насколько далеко я от жопы с хвостиком. Хотелось найти хоть какую-нибудь опору, чтобы эти волны не унесли меня в океан ко всем чертям и русалкам.

Как только подумала о ненормальности, так озаботилась вопросом: я уже столько раз переходила в разные миры, и до сих пор не поняла, как это все работает. Хоть какую-нибудь закономерность бы найти. С этими путешествиями тоже сплошная полосатость: то еле ноги уношу, а то попадаю в такие места, где хоть сейчас строй шалашик и живи как Ленин в заливе... или разливе... не помню. Главное, одна одиначенька.

Ой.

Эта самая закономерность, оказывается, лежала на поверхности: каждый раз, как перемещалась в отражение, где были видны творения рук человеческих, я наталкивалась на проблемы и с трудом сбегала. Любые же путешествия через пейзажи или нейтральные поверхности, типа белого потолка, приводили меня в безлюдные места, где все было спокойно и хорошо.

Мне просто надо сторониться людей.

Повинуясь мгновенному импульсу, нашла в позаимствованном на работе глянцевого журнале картинку с бирюзовым морем, белоснежным песком и кокосовой пальмой. Вырезала ее ножницами и прилепила на мокрый кафель ванной комнаты. Надела купальник, залезла в полную ванну и повернулась так, чтобы отражался только этот тропический пейзаж.

Оказывается, когда ты сам находишься в воде, то перемещение не гладит тебя по коже приятным ознобом, а фигачит током так, что сердце заходится.

Я выскочила из воды как ошпаренная, и не сразу поняла, что уже бултыхаюсь на ласковых морских волнах. Берег впереди манил к себе белоснежным песком и зарослями пальм. Вокруг не было ни души. Я попала на какой-то тропический остров. Только вода была достаточно прохладной. Почему-то я ожидала, что на каких-нибудь Мальдивах океан должен быть как парное молоко.

До этого я никогда не видела море вживую. Вообще весь мой опыт перемещения по миру до этой осени сводился к унылым пейзажам за окном поезда Тобольск-Москва, поэтому от

восторга я визжала, брызгалась и смеялась. Это какая-то бесконечная красота. Жить в такой насыщенной и концентрированной живописности было определено невозможно. Либо задыхнешься от чувств, либо, что хуже, все это великолепие приестся и станет привычным и заурядным. И тогда больше никогда и ничего в мире не сможет тебя удивить или обрадовать. Превратишься безрадостного и унылого циника.

Если возле японского домика рядом с покрытым красными листьями прудом я бы хотела поселиться навсегда, то сюда, к морю, можно заскакивать максимум на пару часов в неделю, чтобы зарядить свою внутреннюю батарейку радостью, энергией и вдохновением на много дней вперед.

Вволю накупавшись, уставшая выползла на берег, скребя пузом по песку как первая кистеперая рыба, решившая стать рептилией, а затем повернулась к набегавшей волне и клюнула в нее носом.

Бултых. Своим приземлением я выплеснула из ванной, наверное, ведра два. Пришлось срочно выскакивать, искать тряпку и срочно вытирать пол, а то был реальный риск залить соседей снизу. Да уж, красота однозначно требует жертв, причем самых неожиданных.

Примерно полчаса спустя я вышла из дома с целью провести еще один эксперимент. Мне хотелось понять: насколько стабильны переходы через один и тот же водоем. Повторить опыт с листиком на поверхности невозможно – поди найти точно такой же – но существовала же еще и лужа, благодаря которой я обрела свою странную способность. Прошло уже много дней и если она опять сработает в то же место, значит, и своим карманным морем я тоже смогу пользоваться всю жизнь.

Подождала, пока гуляющий в парке народ отойдет подальше, вспомнила, с какой именно стороны присаживался у лужи парнишка, и склонилась над водой, стараясь не испачкать брюки.

Мне повезло. За редкими пожелтевшими деревьями снова виднелись домики из фильмов про Англию девятнадцатого века. Только вот погоды здесь стояли тоже типично британские – ничего общего с аномально теплым московским октябрём даже близко не было. Холодный пронизывающий ветер срывал с деревьев последнюю листву, и заставил меня почти сразу же застучать зубами.

Пришлось вернуться домой, сходить в квартиру и надеть пальто. В моем гардеробе было одно странное, в стиле ретро. Купила его на развале молодых дизайнеров в фойе какого-то торгового центра. Темно-серое с пушистым воротником и капюшоном, приталенное точно по фигуре, и переходящее к низу в длинную плиссированную юбку. В таком наряде во времена Шерлока Холмса в меня хотя бы не сразу будут тыкать пальцами как в нелепо одетую чудачку.

Зато в Москве, пока я шла к парку, на меня странно косились: вокруг плюс двадцать, а эта рыжая дура в пальто на меху гуляет.

По дороге, наконец, сформулировала для себя правила безопасных путешествий.

Во-первых, никогда не использовать отражения в помещениях. Это чревато тем, что можно оказаться в замкнутом пространстве с кучей людей, для которых ты возникла из воздуха. Практика показывает, что ничем хорошим это не заканчивается.

Во-вторых, раз один и тот же водоем стабильно переносит в одно и то же место, значит, можно составить своего рода карту путей. Если достаточно поэкспериментировать, то смогу путешествовать по миру без загранпаспорта и утомительных перелетов. Море я себе уже нашла. Стоит выяснить путь к горам, желательно с подъемником, а еще я всю жизнь хотела побывать в пустыне. Почему-то мне казалось, что там мне должно понравиться. Жаль только с водоемами там не очень.

В-третьих, надо взять за правило всегда поступать также как сейчас: заскочила в другой мир, сориентировалась, куда попала, и тут же возвращаешься, чтобы переодеться. В чужих мирах лучше не сильно выделяться.

Проверила в интернете, как одевались женщины конца девятнадцатого века: в высоких ботинках на шнуровке и в этом пальто я вполне могла сойти за местную. Смущало только то, что на картинках все дамы были в шляпках, но оставалась надежда, что капюшон тоже сойдет.

Заново переместившись в мир викторианской эпохи, медленно пошла в сторону домов. Больше всего опасалась, что там небольшая деревушка или городок, где все друг друга знают и любой чужак, будь он даже одет по последней моде, вызовет нездоровое любопытство. Прошла сотню метров и поняла, что мне повезло. Ближайшие домики стояли на склоне холма, плавно спускавшегося к неширокой речке, а на другом берегу виднелись плотно застроенные кварталы города. Вверх поднимался густой темный дым из тысяч труб: как широких, заводских, так и множества мелких, каминных, торчащих из каждой крыши. Неподалеку виднелся и мост.

Вокруг меня был пригород. Что-то вроде родного Сумкино при Тобольске или Мытищ около Москвы, так что я вполне могу сойти за городскую барышню, которая прогуливается по окрестностям. Если только удастся перестать морщить нос от сильнейшего запаха дерьма и навоза, которым тут пропиталось буквально все. Даже холодный сильный ветер не спасал, а только размазывал этот сельский аромат плотным слоем по округе как масло по бутерброду.

Когда впереди на улице показались первые люди, я напряглась. Еще издалека увидела, что три идущие мне навстречу женщины совсем непохожи на картинки из интернета. У двух из них головы были покрыты какой-то грубой серой шалью, которая спускалась чуть ли не до середины бедер, пряча под собой черное мешковатое пальто. Третья, массой килограммов, наверное, под сто, гордо несла капор аки корону, а одета была в мешковатое коричневое платье с грязноватым желто-бежевым застиранным передником.

Напряженно глядя перед собой, я вышагивала навстречу. Будь что будет.

Когда мы поравнялись, женщины склонились в легком поклоне, тайком, но очень внимательно ощупывая меня взглядом.

Следующий за ними на некотором расстоянии импозантный джентльмен в отделанном мехом черном пальто и с тростью в руках, слегка приподнял свой цилиндр, кивнул мне и произнес: «Леди...». Чуть было не сделала глупость и не остановилась, думая, что он хочет со мной заговорить, но вовремя одернула себя. Прохожий уже невозмутимо шагал дальше. Мужчина просто оказал знак внимания той, что считал ровней или даже превосходящей его по классу. Меня здесь явно принимали за столичную модницу.

Свернула на более широкую улицу и там народу было уже куда больше. На меня косились, иногда кивали из осторожной вежливости, но никто не тыкал пальцем как в нелепо одетую чужачку. Прислушалась к разговорам, и с облегчением поняла, что здесь в ходу привычный мне английский. Да, некоторые слова были не очень понятны, а народ победнее говорил с таким странным акцентом, что я едва понимала, о чем идет речь, но, в принципе, я спокойно могла пообщаться с местными жителями и не вызвать никаких подозрений. К языкам у меня всегда был талант. Это признавали и в школе, и на работе. На английском я даже могла имитировать некоторые акценты носителей языка, на французском свободно говорила, а испанский и итальянский сносно понимала и кое-как могла читать.

Мое внимание привлек пробежавший мимо юноша в разношенных ботинках, отдаленно напоминающих мокасины. Посмотрела ему вслед, и тут меня как молнией ударило: я уже видела эти штаны и рубаху. Он точно так же бежал от меня. Да и лицо отпечаталось в памяти надолго. Без сомнения, это был тот самый воришка, благодаря которому я получила возможность путешествовать между мирами.

Что ж. На этот раз он от меня не уйдет!

Незаметно проследовав за ним, я оказалась в узком проходе между двух одноэтажных строений. Парень забежал в одну из дверей, над которой покачивался свернутый из железной ленты калач. На пекаря он совсем не был похож – следов муки ни на руках, ни на одежде я

не заметила – поэтому можно было и подождать. Мальчишку послали за хлебом и скоро он выйдет.

Ждать пришлось менее минуты. Юноша показался из двери, прижимая к груди большой бумажный кулек с булками. Мое лицо было наполовину скрыто капюшоном, да и по сторонам он особо не глазел, пожирая глазами ароматный свежеевыпеченный батон, так что для него было полной неожиданностью, когда я схватила его за шиворот и сказала точно ту же фразу, что и тогда, возле лужи. На сей раз на английском:

– Попался!

Парень дернулся, дерзко глянул мне в лицо и тут же побледнел от страха. Губы некрасиво скривились. Мне показалось, что он вообще вот-вот заплачет.

– Госпожа... простите! – залепетал он, – я же не знал, что вы тоже из ныряльщиков.

Он странно растягивал гласные на концах слов, напрочь пропускал букву *x*, а все межзубные согласные заменял на простые *ф* и *в*, то есть говорил как любой двоечник в моем классе. Поначалу понимать его было непросто.

– Только прошу, госпожа, не сдавайте меня мраку! Я не специально. Мне просто было нечего есть! Я не знал, что вы тоже из нас... то есть простите, не хотел вас обидеть сравнением...

– Заткнись. Я просто хочу поговорить.

Моим взглядом сейчас можно было орехи колоть, но в его голубых глазах после этих слов почему-то блеснула надежда:

– То есть вы не из мрака?

Задумалась на секунду. Если скажу, что нет, не вырвется ли он и не убежит ли? С другой стороны, если навру, что я как раз из непонятного и зловещего «мрака», то он испугается так, что потом узнать все то, что мне так хотелось, скорее всего, будет невозможно.

– Нет. Я не из мрака. Мне нужно, чтобы ты ответил на несколько моих вопросов. Пойдем куда-нибудь, где можно спокойно поговорить.

– Госпожа, мне надо отнести хлеб, пока он горячий, иначе хозяйка меня убьет или выгонит, а я с таким трудом нашел это место!

Нетерпеливо вздохнула.

– Пойдем. Покажешь мне ее. Кстати, как тебя зовут?

Отпустила его, но убежать он уже не спешил.

– Ник.

– Хорошо, Ник. Веди.

Сама представляться пока не стала. Посмотрим еще, куда он меня приведет.

Оказалось, что парень работает на небольшой ферме. Хозяйка – породная женщина лет сорока – увидев меня, слетела с крыльца, явно желая узнать, что же такого натворил ее слуга, что подобная леди собственной персоной притащила его к ней домой.

– Добрый день. У меня сломался экипаж тут неподалеку. Я хотела бы, чтобы ваш юноша сходил со мной и посмотрел. Парень вроде толковый. А то не знаю даже, к кому обратиться – искать ли кузнеца, шорника или плотника, а может, вообще все можно починить на месте. Надолго его не задержу, обещаю, – постаралась мило улыбнуться, но так, чтобы было заметно, что я именно постаралась.

Полная женщина скорее всего была не против слупить с меня за эту услугу немного денег, но дуэль взглядами проиграла буквально за пару секунд. Я была уверена в том, что выгляжу как местная аристократка.

– Да, леди, конечно, – полная женщина склонилась в легком поклоне, отобрала у Ника куль с булками и ушла в дом.

– Теперь пойдем. Покажешь мне тут какое-нибудь укромное место, где можно поговорить, чтобы никто не подслушивал и не мешал.

– Хорошо, госпожа, – парень все еще косился на меня с опаской.

Он привел меня на берег реки. Неподалеку от мостков стояла пустая беседка. С двух сторон она была закрыта от ветра дощатыми стенами, а третью всю заплел сухой сейчас хмель. Вероятно, тут летом рыбаки варили уху или жарили улов, не отходя далеко от воды, а потом ели за грубым деревянным столом из заборных досок, который занимал почти половину места под крышей.

– Сойдет, – кивнула я, зашла внутрь, присела на длинную лавку и скинула капюшон. Ник все мялся на пороге, боясь потерять последнюю возможность смыться.

– Не бойся. Заходи. Я ничего тебе не сделаю. Мне просто надо спросить тебя кое о чем.

– О чем же, госпожа? – внутрь он пока так и не зашел.

– Во-первых, прекрати называть меня госпожой. Я старше тебя всего лет на пять, да и по положению не слишком выше. Такая же девочка на посылках. Зови меня Александрой.

– Да? – он совершенно искренне удивился тому, что изящно одетая леди поставила себя на один уровень с оборванцем.

– Во-вторых, представь себе, что нырять, как ты выразился, я научилась только благодаря тебе. После того как ты, зараза, протащил меня в этот свой мир.

Ник постоял еще секунду, зашел в беседку, плюхнулся на лавку напротив, положил локти на стол и заявил:

– Не может быть! Я тут точно ни при чем.

Вблизи смогла хорошенько его разглядеть. Лет ему было что-то около пятнадцати, так что будущий мускулистый и красивый парень в нем пока только намечался. Светлые пшеничные волосы не знали ножниц парикмахера более года, а с расческой, скорее всего, вообще ни разу не знакомились. Глаза, на мой вкус, маленькие, слегка прищуренные, но потрясающе голубого оттенка. Губы тонкие, скулы широкие и brutальные. Года через четыре из этого гадкого утенка вырастет мускулистый красавчик, которому впору в кино сниматься. Скажем, в роли Тора. Если его хорошенько отмыть, причесать, научить хорошо себя вести и не шмыгать постоянно носом.

– Ты приволок меня в свой мир, вернул обратно и с тех пор я ныряю в отражения. Думаешь, это совпадение? – съехидничала я.

– У всех ныряльщиков способности от рождения. Либо они есть, либо нет. От отца, матери или дедов с бабками передаются. Я, может быть, помог им проснуться, но и только. Через пару лет ты бы, и сама смогла нырнуть, – удивительно, но он действительно легко перешел на «ты», употребляя давно исчезнувшее из современного английского местоимение «thou».

– Ну хорошо. Допустим. Мне все равно нужно, чтобы ты мне рассказал, какой такой гадости меня научил, а то я пока действую наобум и уже набила пару шишек. Один раз вообще чуть не казнили, приняв за ведьму. Так что давай, вываливай все, что знаешь.

Парень пожал плечами:

– Да что рассказывать... ты же переместилась сюда, значит, все уже умеешь.

– Ну начнем с того, что такое «мрак» и почему ты его так боишься?

Ник содрогнулся всем телом.

– Мрак – это кошмар для таких, как мы. Считай, что инквизиция и полиция сразу. Охотятся на тех ныряльщиков, что нарушают правила. Преследуют их даже в других мирах, хватают и...

– И что?

– И больше их никто никогда не видит.

– Уже понятнее. Что за правила, которые нельзя нарушать?

– Нельзя нырять дважды, не схлопнув петлю...

– Что за петля? – я удивленно помотала головой.

– Ну... когда ты ныряешь куда-то, ты прокладываешь путь. Когда возвращаешься – сбрасываешь петлю. Схлопываешь. Путь исчезает. Так вот, самое страшное – это двинуться дальше, не сбросив петлю. Ты вот попала сюда, а потом возьмешь и по отражению еще в следующий мир переместишься. Вот за это мрак и карает. Нырнул – вернулся. Только так.

– Понятно. Что еще?

Ник почесал в затылке:

– Нельзя проносить предметы в неразвитые миры. Если отсюда взять пистолет и протащить туда, где люди только бронзу ковать научились, то мрак тебя непременно найдет. Нельзя долго держать петлю не сброшенной. Сутки-двое еще нормально, а вот месяцами жить не в своем мире, держа дверь открытой, не разрешается. Категорически нельзя переносить с собой людей. Мало того что они от этого помереть могут, так еще и мрак такие случаи всегда отслеживает. Вроде все... Ну и нельзя никому говорить о том, что умеешь нырять. Наши способности должны оставаться тайной. Так мне говорили. Общаться на эту тему можно только с таким же ныряльщиком.

Ник грустно вздохнул и тоскливо посмотрел на реку:

– Так вот, я с тобой аж два пункта нарушил. Украл еду в сумке из странной ткани, которую тут не видывали никогда, и тебя с собой притащил на загравке. Если за первое еще не знаю, накажут ли – кулек твой я сжег, то вот за второе точно по головке не погладят. Все время теперь с опаской оглядываюсь: не идут ли за мной люди в черном. Поэтому и подумал сначала, что ты из мрака. Они всегда в темном и выглядят как настоящие аристократы.

Темно-серый оттенок моего пальто за черный можно было принять только с очень большого перепугу. Хотя с этого момента и в моем мозгу тоже поселился червячок паники и начал свое подлое дело. Гаджет из будущего я же тоже стырила.

– Это все? Или есть еще какие-то ограничения?

– Да куда уж больше! И так, считай, почти все запрещено, кроме кратких нырков. Законов, за которыми мрак следит, больше нет.

– А есть еще и другие правила, не связанные с мраком?

– Ну конечно, есть очевидные. Береги свою задницу, сохрани водоем и убедись, что и там куда ты нырнул, он тоже в безопасности.

– В смысле?

– Ты что, не знаешь?! – Ник возбужденно вскочил с лавки, – Да ты что, совсем... – он поперхнулся и продолжил после секундной паузы: – Рискованная девушка ты, короче. Как вообще можно нырять, если элементарных правил безопасности не знаешь?

– Откуда мне их знать?! Я тебя ради них сюда и приволокла, – рассердилась я.

– Хорошо. Не злись. Короче, самое важное, это обезопасить свой путь: убедиться, что пока ты в другом мире, ни с тем отражением, через которое ты попала, ни с тем, через которое надо будет возвращаться, ничего не случится. Иначе путь порвется и все.

– Что все?

– Никогда не вернешься домой, – громко прошептал Ник, подавшись вперед и округлив глаза, чтобы произвести большее впечатление.

– А если опять посмотреть в тот же водоем, через который возвращаться надо было?

– Нырнешь куда угодно, но не обратно. Путь лежит всегда только вперед. Назад не получится.

Я от удивления заморгала:

– погоди, что значит только вперед?

– Слушай, я не знаю толком. Меня как-то один ныряльщик отвел в один мир, где собрались такие, как мы с тобой. Там есть школа для новичков. На занятиях говорили, что миров бесконечно много, и все расположены в ряд. Когда ты ныряешь, выстраивая новый путь, то прыгаешь по этой прямой только вперед на какое-то количество шагов. Назад можно вернуться

только по проложенному пути, но он тут же исчезает. Это типа закон природы. Если проложенный путь оборвется, то обратно в свой мир ты больше никогда в жизни не попадешь. Будешь вынуждена нырять все дальше и дальше от родины. Так что перво-наперво убедись, что с водоемом ничего не случится, пока ты путешествуешь.

Звучало страшно, но я тут же спохватилась:

– погоди... кое-что не сходится. Ты нырнул в мой мир, когда спер сумку, а я сейчас переместилась в твой. Выходит, что кто-то из нас точно прокладывал путь назад.

Ник смутился, поджал губы, колеблясь, доверить мне тайну или нет, и все-таки решился:

– Это не мой мир. Тогда вместе с тобой я попал сюда впервые. Так испугался, когда ты за мной погналась, что особо не раздумывал. Увидел первую попавшуюся лужу и нырнул.

– погоди... то есть ты как раз нарушаешь еще одно правило мрака? Воспользовался отражением дважды и до сих пор держишь петли натянутыми?

– Ага, – он кивнул и закусил губу.

– А почему не вернешься к себе?

– Некуда. Я сбежал из своего мира навсегда. Там смерть. От голода, болезней и войны. Путь туда давно закрыт. В первый раз я нырнул в пригоршню воды в руке за секунду до того, как в меня выстелить должны были. Вода всегда при нырке остается на месте, так что она и разлилась тут же. Мой родной мир давно остался за спиной. С тех пор я бродяжничаю по отражениям. Как нахожу приятное место, то стараюсь как-нибудь оборвать петли, которые меня привели. Вот там, где ты живешь, было бы все хорошо, но у вас к беспризорникам уж больно плохо относятся. И говорят все непонятно. Тут хоть и попроще живут, но язык для меня родной, да и беспризорников полно. Видишь, даже на работу взяли без документов. Вот только очень боюсь, что в один прекрасный момент за мной придут фигуры в черном. Мрак, говорят, всех нарушителей находит рано или поздно.

Я сидела и думала, рассматривая поверхность стола. Выходит, за мной тоже обязательно придут эти страшные черные люди? Мало того, что сперла гаджет из более развитого мира, так еще и рассказала Валере про перемещения. Пусть не все, и это еще фиг докажешь, но вот тот кругляшок, который наверняка верещит на весь мир в попытках поймать сеть, отследить ведь, как не фиг делать.

Еще с ужасом вспомнила свои перемещения через чашку воды. Выпей тогда Валерка кофе, пока я в пещере сидела, и все. Никогда бы не вернулась назад. Как представила это, так аж передернуло всю. Скитаться как Ник, перебиваясь от нищенства до подработок на побегушках... и это он еще мальчик. Мне было бы куда сложнее.

Боже, как я, оказывается, рисковала! Говорил же трудовик в школе – всегда читай технику безопасности, прежде чем пользоваться, если тебе жизнь дорога.

– послушай, а где найти эту школу, где тебе все рассказали? – Мысль о том, что где-то есть мир ныряльщиков, никак не давала мне покоя.

– Не знаю. Сам бы хотел туда вернуться. Там хорошо. Целый город ныряльщиков, руководство там всякое... а рядом базар, где торгуют вещами из разных миров. Только вот тот дядька, который меня в эту школу притащил, какой-то еще секрет знал и мне не рассказал. Я потом раз десять и так и этак пробовал нырнуть в то отражение в бочке, через которое он меня в тот мир привел, да все без толку.

– А чего ты оттуда сбежал тогда?

– Ну я там, как только про правила и про мрак услышал, так перепугался. Вышел и увидел их патруль. Шли эти черные по улице и один из них на меня посмотрел так... страшно. Я перетрусил. Побежал и схлопнул петлю, вернувшись туда, где до того жил. Думал, что раз теперь знаю путь, могу переждать и вернуться. И все. Потерял туда дорогу.

– Школа... руководство... базар. С ума сойти! Но... какой базар? Ты же говорил, что мрак не разрешает таскать с собой предметы, а там ими типа в открытую торгуют?

– Ну нельзя только из более развитых миров в примитивные, а из равного или более простого можешь что-нибудь и прихватить. Этот, как его... антиквариат. А на мир ныряльщиков ограничение про предметы вообще не распространяется. Там можно всем торговать. Нельзя только тащить купленную вещь туда, где она явно опережает время.

– Уффф, – я с шумом выдохнула воздух, одновременно массируя виски, – ты мне сейчас мозг взорвал. Столько информации сразу. Мне точно стоит с тобой еще раз поговорить, но я пока категорически не знаю о чем. Нужно все это по полочкам разложить и осознать. Можно я тебя еще завтра найду, и мы снова поболтаем?

– Конечно. Только захвати какой-нибудь вкусной еды из своего мира, а то тут мне жировать особо не дают. Хлеб, молоко да жареная капуста каждый день. Мяса не ел с того самого момента, как у тебя сэндвич стащил.

– Хорошо, – улыбнулась я, – договорились.

Белая полоса моей жизненной зебры закончилась в этот самый миг.

Глава 5

Наконец-то, все более-менее уложилось в голове и мир вокруг меня опять стал понятным и простым. Я принадлежу к избранной касте тех, кто умеет нырять в отражения, перемещаясь между мирами. У этого общества есть свои законы, руководители и полиция, которая карает отступников. Интересно, кстати, является ли незнание законов смягчающим обстоятельством? Я же не знала, что гаджет брать нельзя!

Самым страшным для меня пока был не мрак, которому про меня узнать надо, а то, что любой нырок – это потенциально билет в одну сторону. Если потеряю путь домой, то даже пытаться вернуться бесполезно. Навсегда превращусь в бродягу и буду вечно скитаться по отсталым мирам пока не помру от какого-нибудь аппендицита. Поежилась, только представив себе такую судьбу.

Нет, решено: теперь буду использовать только надежные отражения: пруды, реки и озера. Ну, может быть, еще наполненная ванна тоже относительно безопасна. Мне не хотелось отказываться от возможности купаться в моем море. Уж точно никаких перемещений при помощи чашек, душа и прочих ненадежных емкостей! Никогда! Никакой мир не стоит того.

Полночи ворочалась, все размышляя и анализируя полученную от Ника информацию. Сам по себе мир ныряльщиков с базаром, где они обменивают вещи из разных миров, настолько будоражил воображение, что мне очень хотелось попасть туда. Кроме того, я, к сожалению, только дома, обратила внимание на фразу Ника, что притащивший его в тот мир мужчина знал еще какой-то секрет. Чувствовала, что здесь кроется очень много интересного. Мы оба умели перемещаться только одним способом – наобум – а опытные люди наверняка умеют выбирать, в какой мир попадут. С ума можно сойти, какие интересные возможности тогда открываются!

Мне очень хотелось поскорее вернуться в эту Англию в луже и разузнать побольше о школе, да и вообще про тот удивительный город ныряльщиков. Возможно, он вспомнит, как именно тот мужчина нырнул в бочку, чтобы попасть туда.

От волнения у меня разыгрался зверский аппетит. Напекла себе оладушек, половину из которых положила в пластиковый контейнер для Ника, а вторую часть умяла сама. Сходила в супермаркет напротив и купила батон докторской и салями. Сначала думала взять еще настоящего мяса и сосисок, но потом задумалась: а будет ли у него возможность их приготовить? Для начала лучше обойтись тем, что можно съесть в сыром виде.

Вернулась домой, переделась в чопорную английскую леди и направилась в парк.

Сердце заняло еще на подходе. На дороге появилось временное ограждение, а за ним вокруг «КамАЗа» сустились рабочие в желто-оранжевых жилетах. Ускорила шаг, а затем даже побежала. Заскочила за ограждение и растерянно остановилась.

Управа решила наконец-то заасфальтировать вход в парк. Видимо, еще ранним утром дорожки с лужами засыпали гравием, а теперь поверх него, бодро похрюкивая мотором, егосил небольшой каток, разравнивая черные кучки.

Для Ника оборвалась петля, связывающая его с Москвой, и он уже никогда не сможет попасть ко мне, а я понятия не имею, где искать новую дверь в тот мир, где он сейчас живет.

По дороге домой на меня оборачивались все. Еще бы, я выглядела как полная идиотка: с двумя пакетами из супермаркета, в теплом пальто с меховым капюшоном в плюс шестнадцать, и с заплаканной физиономией. Разревелась я прямо там, в парке.

У меня украли сказку. Почему-то я чувствовала, что Ник – это дверь в тот волшебный мир, где подобные мне ныряльщики сообщают друг другу ценные сведения, рассказывают анекдоты про посещенные миры и обмениваются экзотическими вещичками из самых необычных вселенных. Если вариантов перехода через отражение бесконечное количество, то отыс-

кать самостоятельно эту школу будет еще сложнее, чем найти нужного тебе человека в чужой стране, если не знаешь ни имени, ни фамилии.

У самого подъезда, уже открыв дверь, я обернулась. Показалось, что меня снова окликнул Валера, но двор был пуст. Только на другом его конце две фигуры в черном срочно свернули за угол, скрывшись от меня за домом.

Слезы как-то моментально высохли. Не знаю почему, но я сразу вспомнила предостережения Ника о мраке. Неужели за мной следили? Вдруг они уже нашли его и схватили? От него узнали о моем визите и сделали засаду возле парка. Возможно, что они и организовали эти работы. Отличить меня среди остальных прохожих было очень просто: я же одета точно под девятнадцатый век.

Теперь они знают, где я живу. Как минимум подъезд.

Помотала головой, прогоняя паранойю. Так можно что угодно себе напридумывать! Никто за мной не следит. Просто так совпало. Зачем им идти за мной от парка, когда могли прямо там подойти и... не знаю... документы проверить или сразу схватить. Юркнув в подъезд, я тут же плотно закрыла за собой дверь, как будто кодовый замок может хоть как-то спасти от мнимых преследователей.

Как только оказалась в квартире, позвонил босс. Один из партнеров попросил перенести встречу в нашем офисе на завтрашнее утро, и на меня опять свалилась куча забот: от бронирования переговорок и организации кофе-брейка до срочного перекраивания всего остального расписания Николая Петровича на неделю вперед. Так как корпоративной системой управления комнатами для переговоров можно было пользоваться только из внутренней сети, пришлось в воскресенье перетянуться в офис.

Вся башня была непривычно пуста. В полутемных коридорах для пущей жути не хватало только гремющих цепями приведений. Наверняка же здесь есть свои тайные истории о замученных насмерть менеджерах и схвативших инфаркт боссах, почивших прямо на рабочем месте, и их призраки теперь обречены вечно ходить по пустым офисным кладовкам и туалетам. Будь я писателем, то обязательно бы написала парочку ужастиков на основе офисного фольклора.

Закончив работу, оторвалась от компа. На улице уже стемнело. Как-то незаметно пролетело время. Казалось, что максимум часа три здесь провела. Потянулась, встала из-за стола и подошла к окну. В башне напротив были потушены почти все окна, кроме трех. Обычно в будний вечер она светила как новогодняя елка. Взгляд невольно задержался на слегка подсвеченном кабинете напротив. Было такое ощущение, что лампы в комнате специально потушили, но в коридоре за открытой дверью оставили.

Я вздрогнула. В этом и так достаточно темном окне я разглядела четкий черный силуэт мужчины. Он точно так же, как и я, стоял у окна и явно смотрел на меня. Поймав мой взгляд, он протянул руку и задернул жалюзи, скрывшись от моих глаз.

Отпрянув от окна, я тоже срочно задвинула жалюзи в кабинете.

«Все-таки за мной следят!» – билась в голове мысль. Ноги и руки от страха стали непослушными и ватными. Хотелось спрятаться в уголок и сидеть там до завтра, но я понимала, что провести ночь в этом пустом помещении будет еще страшнее. Полчаса уговаривала себя, что это просто совпадение и не надо так себя накручивать. Просто какой-то начальник в башне напротив стоял у окна и любовался пейзажем в одиночестве. Увидеть меня ему было точно так же неприятно, как и мне, потому он и спрятался от моих глаз.

Однако выходить на улицу было все равно страшно. Тут хотя бы какая-то охрана внизу. Чужаку сюда не так просто пройти. В этот момент я поняла, что если люди из мрака умеют преследовать нарушителей между мирами, то уж попасть внутрь офиса для них точно большой проблемы не представляет. Здесь ничуть не более безопасно, чем дома.

С трудом заставила себя выбраться из кабинета. Спустилась на первый этаж, нервно попрощалась с охраной и, непрерывно оглядываясь, побежала домой. Вроде бы никаких подозрительных личностей, которые перемещались бы с той же скоростью, не было.

Подбегая к подъезду, случайно встретилась глазами с водителем припаркованной у двери машины. Фары и мотор были выключены, салон тоже не освещался, так что за стеклом было темно, но я точно разглядела двоих, и мне показалось, что они одеты в темное. Быстро подлетев к двери, лихорадочно начала искать в сумочке ключи. Как назло, они за что-то зацепились, и как только я потянула их, вырвались из руки и грохнулись на асфальт. У меня уже начиналась истерика. Нервно оглянувшись на машину, я увидела, что дверь со стороны водителя открывается. Схватила ключи, открыла кодовый замок и быстро проскользнула в подъезд.

Мне повезло: лифт был на первом этаже. Оказавшись в квартире, я закрыла дверь за все замки, задернула шторы и забралась на матрас с телефоном в руке, чтобы в случае чего успеть позвонить в полицию.

Так и сидела до полуночи, как дура, ругая себя за совершенно необоснованную паранойю. Выглянула из окна: та машина, что меня напугала, давно уже уехала. Как только паника отступила, о себе напомнил желудок: я же так ничего и не съела после плотного завтрака. Пошла на кухню, разогрела в микроволновке остатки оладий для Ника, пожарила колбасу, съела все это холестеринное жирное безобразие и улеглась спать. После таких нервов вырубилась почти мгновенно.

И опять проспала.

Проснувшись, а телефон лежит рядом на подушке, тогда как ему место на полу – там, куда хватает провода зарядника. Только тогда вспомнила, что и вчера его тоже не заряжала, так что за ночь он уже точно превратился в тыкву.

Быстро и нервно собралась, и, опять наплевав на макияж, вылетела из дома. Даже почти не опоздала. Все было не так критично, как в прошлый раз. Внутренний будильник разбудил меня ненамного позже обычного. Николай Петрович уже сидел на месте, укоризненно показал мне на часы – все-таки я пришла на пятнадцать минут позже, но ничего не сказал. Его мысли сейчас были заняты предстоящими переговорами. Там полагалось быть и мне – фиксировать договоренности, а потом разослать всем участникам резюме встречи на почту.

«Что-то ты сегодня неопрятно выглядишь», – бросил он мне, пока мы шли к переговорной. Это означало верх недовольства. Обычно он никогда не делал мне замечаний. Я тут же вспомнила, что и причесалась наспех, и блузка не глажена. Вид действительно не фонтан. Придется компенсировать старанием. Оправдываться боссу бессмысленно – он этого терпеть не мог.

Я целиком погрузилась в работу. Строчила стенограмму встречи как автомат, аж пальцы уже сводить начало. Слава богу, наконец объявили тридцатиминутный кофе-брейк, после которого будет уже основная часть разговора, которую важнее всего записать.

Воспользовавшись перерывом, забежала к себе в кабинет, поставила телефон на зарядку, схватила из ящика стола дежурную косметичку и расческу и помчалась в туалет, чтобы привести себя в порядок. Выбежала в коридор и увидела, как в противоположном конце наш охранник, который вообще крайне редко поднимается сюда к небожителям, показывает направление двум громадным типам в черных костюмах, маша рукой точно на меня. Пискнув от страха, повернулась в противоположную сторону, пробежала десять метров, юркнула в женский туалет и спряталась в кабинку.

В душе тлея слабая надежда, что сюда они не пойдут. Сидела тихо, как мышка. Только сердце бухало набатным колоколом. Мне казалось, что его даже в коридоре слышно.

На двадцатом ударе дверь в туалет открылась, и я услышала шаги.

Слабо понимая, что делаю, повернулась к унитазу и посмотрела в отражение в плескавшейся там воде. В данный момент мне хотелось только одного: как можно быстрее исчезнуть отсюда, чтобы тот, кто будет обыскивать кабинки, никого здесь не нашел.

Озноб. Перемещение.

Вокруг меня снова кабинка туалета. Только тут дверца окрашена облупившейся белой краской, а кафель на полу и стенках тоже белый, больничный. Воздух остро пах стоматологическим кабинетом.

Шумно выдохнула воздух. Пронесло!

– Так, а тут кто спрятался? – спросил мужской голос на чистом русском языке, и дверца тут же распахнулась. Передо мной стояли двое амбалов в белых халатах и шапочках.

– Зачем вы здесь спрятались? Это мужской туалет! – строго сказал один из них. Второй как-то нехорошо ощупывал меня взглядом, – да забрались в неработающую кабинку.

– Простите, я, наверное, таблички перепутала! – попыталась мило улыбнуться.

– А зачем вы подслушивали все это время? Дали бы сразу знать, что здесь сидите, мы бы вышли, – все возмущался тот, а второй неожиданно спросил:

– А пропуск у вас есть? Покажите, пожалуйста.

– Пропуск? – почему-то я нервно хихикнула, хотя это было самое нелепое, что можно было сделать в такой ситуации. Для того, чтобы исчезнуть, мне было достаточно повернуться на 180 градусов и заглянуть в унитаз. Только вот что там ждет меня в моем офисе? Я совсем сошла с ума и страдаю манией преследования или за мной действительно шли двое в черном?

Пока искала, что же ответить на вопрос о пропуске, второй многозначительно посмотрел на товарища и кивнул. Мне это очень не понравилось. Быстро развернулась, но наклониться мне не позволили – тут же схватили за руки и выдернули из кабинки как пробку из бутылки. Дергаться было бесполезно: хватка у этих кабанов была железная.

Меня вывели из туалета и почти волоком потащили по отделанному тем же белым кафелем коридору. Кое-где плитка была отбита, краска на стенах тоже не отличалась свежестью. Все гадала куда же я попала, пока мы не свернули за угол и один из медбратьев не открыл дверь со сложным массивным замком.

В узком коридоре было полно медленно прогуливающихся людей в голубых пижамах. У ближайшей ко мне женщины с отсутствующим взглядом из уголка рта на воротник рубашки стекала длинная нитка слюны. Чуть поодаль плохо бритый мужчина разговаривал со стенкой.

Я попала в настоящий сумасшедший дом.

Шок от происходящего был настолько силен, что мозг тут же превратился в пустой стеклянный куб. Только время от времени изнутри в стенки что-то стучалось и жалобно выло. Меня словно куклу привели в палату, уложили на кровать и пристегнули ремнями.

– Сейчас доктор с обеда придет и разберется, – сообщил один из амбалов в белом и вышел из палаты.

Только когда за ним закрылась дверь, отсекая от меня все звуки коридора и я осталась в полной тишине и одиночестве, голова кое-как заработала. Я очень надеялась на то, что врач придет с минуты на минуту и обдумывала, что ему соврать, лишь бы только он отвязал меня и ответ в туалет. В мужской.

Возможно, еще успею к началу второго раунда переговоров.

Но врач не пришел ни через полчаса, ни через час. Дальше я окончательно потеряла счет времени. Миновали минуты истерики, затем часы паники и наступила бесконечность апатии. В палате не было даже окон, чтобы сориентироваться не провела ли я тут еще и ночь.

Наконец дверь открылась и в поле моего зрения возник мужчина в больших очках с роговой оправой.

– Ну-с, дорогая моя. Сбежать хотели? Это понятно. Поначалу все хотят. Вы только скажите мне: где одежду раздобыли.

– Это ошибка. Я не больная! – начала я, но споткнулась о его ироничную усмешку.
– Это тоже понятно. Здесь все здоровые. По их мнению.
– Ну вы же должны знать всех пациентов. Проверьте. Меня нет в списках.
– Ага. Таков был ваш план. Воспользоваться тем, что вас привезли ночью не в мою смену, а из-за аврала медсестры еще не успели оформить на всех карты. Это разумно. У вас неплохо работает мозг. Параноидная шизофрения, я так полагаю?

– Да нет же... – во мне опять нарастала паника, – проверьте списки. Меня никто сюда не привозил ночью.

– А как же вы здесь, голубушка, тогда оказались? – с участливой улыбкой спросил врач.

– Сама приехала.

– Ну хорошо, – он тяжело вздохнул, – оставим в стороне вопрос, как вы добыли пропуск, где его потеряли и зачем вообще сюда заявились. Ответьте только на два вопроса. На чем вы сюда приехали и где, по-вашему, находитесь?

– Это больница для душевнобольных, – с уверенностью сказала я, игнорируя пока первую часть.

– Логично. А где она располагается? И как вы, все-таки, здесь оказались?

– На такси приехала, – пальцем в небо ткнула я.

– Вот как? Не дорого обошлась поездочка то? – издевательским тоном поинтересовался доктор.

– Ничего, я прилично зарабатываю, – попыталась отшутиться.

– Ладно. Пора заканчивать этот цирк, – он поднялся с кровати и махнул кому-то рукой, а затем снова наклонился к моему лицу, – вы, дорогуша, на острове, и за последнюю неделю сюда приезжал только один транспорт. Тот катер, что доставил очередную партию больных вчера ночью. У вас получилось как-то спрятаться по пути в корпус, но медбратья вас обнаружили. Теперь моя задача найти вашу карту.

Ко мне подошла какая-то здоровенная бабища в белом халате.

– Переоденьте ее, – распорядился врач, – Пока не отвязывать.

– Эй! Я в туалет хочу! – крикнула я от отчаяния.

– Ничего, в утку сходите, – с этими словами мужчина в очках ушел.

Сопротивляться массивной медсестре и ее помощнице было совершенно бессмысленно. К тому же они не отстегивали меня полностью. Освободят одну руку, снимут с нее блузку, натянут рукав больничной одежды и снова привяжут. Спустя уже десять минут я лежала полностью переодетая в голубую пижаму со штампом на плече. Что там было написано так и не успела рассмотреть. От утки отказалась, так что меня снова оставили в одиночестве на еще одну вечность. Хотелось орать во всю глотку от злости. Останавливала только мысль, что так меня продержат связанной еще дольше. Чтобы получить право ходить по коридору, нужно было стать паинькой.

Главная проблема заключалась в том, что я оказалась не просто в мужском туалете, а еще и в зоне для медперсонала. Об этом говорила тщательно запираемая дверь, мимо которой меня провели. Что-то мне говорило, что попасть туда будет очень непросто.

Доктор вернулся с озабоченным лицом. В руках он держал тонкую картонную папку.

– Я действительно не нашел вашей карты. Вы ее уничтожили? Честно говоря, я вас недооценил.

Вздохнула. Отрицать или отвечать что-либо было бессмысленно.

– Давайте заполним новую, – врач раскрыл папку и вытащил из кармана карандаш, – Как вас зовут?

– Александра Черемная.

– Год рождения?

Я запнулась. Кто его знает, какой здесь год?

– Мне девятнадцать лет.

– Место рождения?

Ну тут была уверена в ответе:

– Москва.

Доктор замер, отложил карандаш.

– Что? – нервно спросил он.

– Что? – не менее нервно переспросила я.

– Вы издеваетесь?

– Нет, – а сама лихорадочно соображала, что же я не так ляпнула. Решила сказать правду, – Ну хорошо, я пошутила. Поселок Сумкино тюменской области, – у меня, кажется, снова начиналась истерика.

– Почему вы упомянули Москву?

Тут я не выдержала и заплакала. Играть в эти игры было выше моих сил. Я не понимала, что ему отвечать. Каждое мое действие приносило еще больше проблем.

Почему-то, увидев слезы, врач обрадовался, подскочил, и склонился надо мной.

– Вот и хорошо. Это нормальная реакция. Я вас понимаю, все мы потеряли кого-то родного в Москве. Судя по вашему возрасту, это кто-то из бабушек или дедушек. Психологическая травма постепенно привела к болезни. Слезы – это хороший признак. Это первый шаг. И теперь я уверен, что мы поладим. Я отвяжу вас, подождите.

Он освободил мне сначала руки, а потом и ноги и помог сесть на кровати. Мышцы, оказывается, ужасно затекли, и встать самой было бы сложно.

– Посидите, отдохните. Можете пройтись по коридору, когда захотите. Через час будет ужин, а потом я к вам еще раз зайду, и мы уже поговорим как друзья, хорошо?

Кивнула, всхлипывая и вытирая рукавом глаза.

– Скажите, а где здесь туалет?

– Вот, почти прямо напротив вашей палаты.

Врач улыбнулся мне и вышел за дверь.

Все-таки слезы – очень сильное оружие против мужчин. Никогда не знаешь, как сработают, но то, что подействуют обязательно, можно не сомневаться.

Встала, размяла ноги и вышла в коридор. Ходить среди психов, конечно, страшновато, но иначе шансов вырваться отсюда у меня не было.

Пока лежала, не раз вспоминала путь от мужского туалета до этого места. Он был слишком длинный. Если оттолкнуть медсестру, когда она ключом откроет отделяющую крыло для персонала дверь, то можно не успеть добежать до нужной двери. Меня тащили метров тридцать, а то и больше. Хоть один встреченный медбрат и все. Меня привяжут навсегда, пока не выжгут мозги каким-нибудь электрошоком.

Прокручивала в памяти то, как меня тащили снова и снова: сначала по правую руку шли какие-то кабинеты, затем душевая, а потом, у самого поворота, был еще один туалет. Женский. Совсем близко к запирающейся двери.

План родился достаточно быстро. Оставалось только дожидаться, чтобы проход в то крыло открыл кто-то, с кем я могла справиться. Спустя полчаса наблюдений стало понятно, что тщедушных медсестер и братьев тут не держали. Женщина пока ходила туда-сюда только одна – та самая бабища, что меня переодевала, а мужчины были как на подбор: перекачанная сборная по баскетболу или штангисты-переростки. Такой поймает меня одним пальцем за штаны и поднимет вверх как котенка и очнусь я через месяц без половины мозгов.

Правда на ошибку у меня не было. Но и времени на размышления тоже.

Чем больше тянула, тем страшнее становилось. Сейчас или никогда! Сняла тапочки и босиком бросилась вперед с низкого старта, когда полная женщина открыла дверь, неся во второй руке поднос с бумажными стаканчиками. От идеи оттолкнуть ее пришлось отказаться

в силу несовместимости весовых категорий, поэтому воспользовалась ее неповоротливостью, а также тем, что пол был достаточно скользким. Набрав скорость, упала плашмя, проехала у нее мимо ног, тут же вскочила и побежала за угол.

Сирена раздалась, как только я достигла женского туалета. Из кабинета впереди, перекрывая мне дорогу, появилось два медбрата, поэтому ныркнула в женскую комнату. Свет было некогда включать. Распахнула в темноте кабинку и склонилась над унитазом, надеясь, что тусклого освещения из коридора хватит, чтобы отражение сработало.

Да, это, если верить Нику, было строго настрого запрещено. Я ныряла второй раз в чужом мире, но он же проделал подобное и ничего. Добавила мраку еще один повод заинтересоваться моей персоной.

Озноб. Нырок.

Темнота. Пришлось замереть и не двигаться, пока глаза не привыкли. Постепенно проявились колонны, уходящие куда-то под потолок, расписанные стены, поблескивающий алтарь и стоящие рядами сидения. Закрытый на ночь католический храм. Хотя, возможно, тут молились и какому-нибудь святому пятиугольнику – при таком освещении понять это было невозможно. Слабые лучи лунного света проникали сюда через круглое окно с витражами.

Время здесь тянулось так же непонятно, как и в палате. Чтобы хоть как-то не потеряться в нем, пришлось считать про себя секунды. Как только я дошла до двух тысяч, то вернулась к сосуду со святой водой у входа, с помощью которого здесь очутилась, собралась с силами, потому что был шанс, что сразу после нырка мне придется быстро бежать, и позволила воде отнести меня обратно в больницу.

Как и надеялась, полчаса достаточный срок, чтобы поиски переместились в другую часть больницы. Мне повезло и в коридоре почти никого не было: только в дальнем конце спиной ко мне удалялся мой доктор. Мужской туалет он уже миновал.

Старалась бежать быстро, но тихо, однако босые ноги звонко шлепали по полу, поэтому он обернулся. К счастью, я уже была у нужной двери. Увидела, как округляются от удивления его глаза и не выдержала: послала ему воздушный поцелуй и скрылась за дверью. Нужная кабинка с надписью: «слив не работает» была свободна. В коридоре раздались поспешные шаги, но мне уже никто не мог помешать.

Глава 6

Офис был пуст. Зашла к себе в кабинет, подошла к столу и включила телефон.

Сначала он высветил мне время: 22:10, а затем и шесть пропущенных звонков. Четыре от босса, два от Валеры. Сообщение: «Ты уволена!!!» – было продублировано и в мессенджере, и в смс. В почте лежало распоряжение от отдела кадров зайти завтра подписать документы.

Меня накрыла полная апатия. Я уже не могла ни плакать, ни переживать. Механически собрала в пакет некоторые дорогие для себя мелочи и надела кроссовки, которые так кстати дождались меня в нижнем ящике. Равнодушно подумала о косметичке, которую оставила ее где-то в туалете, но искать не стала.

Охрана на первом этаже уставилась на меня как на приведение. Наверняка девушки в пижаме мимо них ходят не часто. Все-таки не выдержала, подошла к тому, которого видела у нас на этаже.

– Простите... глупый вопрос. Вы сегодня утром двум каким-то господам в черном дорогу показывали на нашем этаже. Не помните?

– П-п-помню, П-п-почему нет? – он, оказывается, заикался. Никогда не знала, – это охрана г-г-господина, что к в-вам на в-в-в-стречу приехал. Они туалет иск-к-кали.

– Ага. Спасибо. До свидания, – равнодушно ответила я и пошла к выходу.

– С в-в-вами все в п-п-порядке? – уточнил он.

Демонстративно осмотрела пижаму с ног до головы:

– Да. Думаю да. Теперь все просто отлично, – и вышла на улицу.

На меня пялились все прохожие, но мне было все равно. Только когда мимо проезжала полицейская машина с мигающей люстрой на крыше, предпочла спрятаться за деревом. Попасть теперь еще и в местную дурку все-таки не хотелось.

У самого подъезда поняла, что ключей-то у меня нет. Дубликат от квартиры лежал где-то на дне пакета с вещами из офиса, а вот в подъезд никак не войти.

– Алекса! – окликнул меня Валера.

На сей раз он был без машины. Даже сквозь пелену апатии я заметила, что он еще более нервный, чем раньше. Глаза нездорово бегали туда-сюда, а движения были резкими и несоразмерно размашистыми.

– У меня ключей нет, – равнодушно сообщила я.

– Ты откуда в таком виде? – он растерянно осмотрел мою пижаму.

– С работы. Разве не видно? – все так же механически ответила я.

– Что случилось?

В это время из подъезда вышла соседка с четвертого со своей мелкой собачкой. Валера подскочил к двери и придержал ее, не давая закрыться.

Я медленно прошла мимо соседки под шипение: «Развелось тут наркоманов!», – и зашла в подъезд.

Он молчал и пока мы ехали в лифте и пока я долго ковырялась в сумке в поисках ключа от двери. Зашла в комнату, поставила коробку на пол, и плюхнулась на матрас. Валеры почему-то рядом не было. Чуть погодя он вышел с кухни:

– У тебя ничего выпить нет! Не нашел. Тебе бы сейчас не помешало.

– Не надо. Ты чего хотел то? Почему не позвонил?

Его глаза опять забегали из стороны в сторону, стараясь не встречаться с моими.

– Так звонил. Твой телефон весь день не абонент. Слушай, тут такое дело. С бизнесом проблемы. У тебя денег можно занять по-быстрому?

Я надула щеки и с шумом выдохнула. Это не день, а какой-то кошмар.

Молча встала с матраса и пошла на кухню. Чтобы сообщать мне нужно хотя бы кофе.

Пока кофеварка жужжала, прокачивая воду через капсулу, все-таки ответила:

– Нет. Денег я тебе не дам. Мне самой теперь не хватает.

– Слушай, а кредит? Я отдам! Но у меня же официального дохода никакого, а у тебя белая зарплата ого-го. Тебе дадут. А я за тебя возвращать буду!

– Ты с ума сошел?

Взяла кружку в руки и вдохнула аромат.

– Почему? Ты мне не веришь?

– Это уже не важно. Меня сегодня уволили. Так что нет никакой зарплаты.

– Вот же черт, – он схватился за голову и начал расхаживать по кухне, – погоди, но в банке-то об этом не знают! У тебя же зарплата на карту идет, так что трудовая им не нужна. Они об увольнении не сразу же информацию получают.

– С чего ты будешь отдавать, если у тебя денег нет?

– Да это случайность! Партию товара накрыли, и я остался должен серьезным людям. Как отдам, все снова на мази будет, не волнуйся.

– Что значит накрыли? Позвони в милицию...

У меня кровь в голову ударила и мозг внезапно включился и стал точным и холодным. Посмотрела в его глаза, которые он старательно прятал.

– Полиция и накрыла, да?

Он промолчал, косясь в сторону.

– Креативная логистика, значит... – сказала я холодно, но спокойно. Его обмануло это равнодушие. Валерий решил, что я к этому отношусь так же, как и он.

– Представляешь, какой-то кладмен сдал. Накрыли весь склад. Следов ко мне никаких быть не может, тут все чисто, но денег за товар остался должен. Срок мне дали до пятницы. Машину уже продал, квартира не моя. Остался только вариант кредита.

– Ты торгуешь наркотой, – обреченно глядя в пространство перед собой, констатировала очевидный теперь уже факт.

– Да не... ну какая наркота. Настоящие наркотики – это героин там и другая жесь. У меня смеси и соли...

– Да как ты посмел явиться ко мне с этим! – взорвалась и швырнула в него чашку. От летящего в лоб фарфора он увернулся, но крутым кипятком его окатило хорошо. Валера завыл, спешно вытирая обожжённую щеку рукавом.

– Пошел вон отсюда! – моя рука нащупала следующий предмет, и я, не глядя, запустила его в этого гадкого наркодилера. Сковорода прилетела ему точно в переносицу.

– Ах ты... – у него даже слов для меня не хватало. Валера подлетел к двери, придерживая ладонью окровавленный нос. Повернулся ко мне и прошипел:

– Если ты хоть кому-то скажешь...

Я с яростью смотрела ему в глаза, а моя рука шарилась по столу и наконец нашла какой-то удобный предмет...

Валерий переменился в лице и выскочил за дверь.

Посмотрела на разделочный нож в кулаке и устало сползла по дверце тумбочки на пол.

Сегодня я уничтожила всю свою жизнь.

Потеряла работу, да еще, скорее всего, с таким выговором, что найти новую будет ой как не просто. Умножила на ноль свою личную жизнь, выяснив, что я настолько дура, что не замечала очевидного: принимала подарки от ублюдка и подлеца.

Повинуясь минутному порыву, вскочила с пола и поискала глазами злосчастный кулон. Он же где-то здесь был! Распахнула дверцы шкафа и увидела, что железная коробочка с надписью «мука» развернута так, что букв не видно. Сама бы я так никогда не поставила. Горько усмехнулась, приподняла крышку рукой – та, как и думала, была неплотно закрыта – и загля-

нула внутрь. Ожидания меня не подвели: коробка оказалась пустой. Валерий на кухне искал вовсе не выпивку. Он украл мой внеземной гаджет.

Не помню, как дошла до кровати и упала на матрас. Рыдала, наверное, полночи и совсем не помню, как заснула. Утром проснулась с абсолютно красными опухшими глазами. Стащила с себя ненавистную голубую пижаму, в которой, оказывается, провела всю ночь, и выкинула в мусорное ведро. Попыталась привести себя в порядок, но глядя на свою несчастную физиономию в зеркале, так распереживалась за себя, что опять зарыдала.

Идти в таком виде в отдел кадров мимо ресепшен с его ядовитыми девицами и ехать в лифте с красными от слез глазами? Нет уж. Обойдутся. Никто не должен видеть меня такой. Завтра приду в себя и заявлюсь яркой и улыбающейся. Пусть ходят слухи, что я ушла сама и нашла себе место потеплее. Найду способ их распустить. Сегодня будет день скорби и жалости. Жаль только во всем мире нет ни одной души, которой можно было бы поплакаться в жилетку.

Может, действительно в полицию пойти? А то вдруг после того, как с него все стрясут, его кредиторы заявятся? Это же не государство. У бандитов свои понятия. Задумалась. Может ли Валера устроить такую подлость? В принципе, запросто. Только вот идти в органы было нельзя, потому что как рассказать, что именно он у меня украл?

Даже позвонить некому. Разве маме... но что ей скажешь. За этот год звонила и не раз. Ни разу трезвой не застала. Спивается с отчимом. Работы у них нет, одна его пенсия по инвалидности. На нее и бухают. Думала рвануть туда, вывезти мать в Москву. Даже сейчас, когда ни с деньгами, ни с работой ничего не понятно, как-нибудь вывернулась бы. Да только не поедет она. Полгода назад целый час уговаривала и мат в свой адрес терпела. Бесполезно. Чужая я ей. Как отрезала, как только уехала.

Ближе к вечеру меня доконал голод. Пошла к холодильнику. Подивилась на пустые полки и собралась в магазин.

Возвращаясь с сумками возле подъезда, отметила, что двое в темном BMW опять сидят у моего дома и ждут кого-то. Мне все равно. Паранойю настолько придавило вчерашним днем, что она задохнулась под этим грузом проблем и окончательно сдохла.

Долго гадала, что же приготовить и неожиданно для себя решила сварить суп. Настоящий борщ: такой, как мама в детстве делала. Столовские не шли с ним ни в какое сравнение. Жаль только свеклу не додумалась купить, но это меня не остановило. Поставила большую кастрюлю с водой на плиту, и решила, что успею сбегать, пока она закипает.

Схватила еще один пакет, а под ним Валеркин кулон. Скривившись, подняла его, намереваясь выкинуть, а потом все-таки остановилась. Вдруг этот гад еще раз заявится – будет прекрасная возможность кинуть подонку его подарок в лицо. Накинула легкое пальто, машинально сунула в карман смартфон и кулон и открыла входную дверь.

Чья-то рука грубо оттолкнула меня назад в квартиру. Я чуть не упала, и больно ударились спиной о стенку. В квартиру вошли те двое, что ждали в машине у подъезда.

– Я все думаю кем назваться: соседкой снизу или сантехником, а она мне сама дверь открывает, – с похабной улыбкой произнес тот, что был повыше и постарше, второму – низенькому и коренастому парню с шеей борца.

– Ну что, поговорим, Александра? – обратился он ко мне.

Мой мозг уже всю шелестел шестеренками. Это не мрак – почему-то в этом я была уверена. Ник сравнивал их с аристократами, а передо мной стояло два гопника. Ко мне заявился прощальный подарочек от Валеры.

– Поговорим, – сказала я, глядя исподлобья, – кофе хотите?

– А ты гляди, бойкая... – сказал дылда напарнику, а затем мне, – я бы выпил, да только боюсь, клофелина насыплешь. Валерий про тебя такого понарасказывал. Кроме как глюками это не объяснишь.

Глаза у него были маленькие, внимательные и злые. Расположены очень близко к носу, так что мне казалось, что на меня смотрит дуло двустволки.

Коренастый закрыл дверь на замок и встал рядом с ней, перекрывая возможность сбежать.

Я отлипла от стены и зашла на кухню. Высокий последовал за мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.